

Пашков А.О.
Нежинский Ю.В.

Мистический Петербург

Историческое
расследование

Мистический Петербург

Пашков А.О
Нежинский Ю.В

Алексей Пашков

Выпускник Санкт-Петербургского Университета, историк. Первоначально в сфере научных интересов – Древний Рим императорского периода. Много лет работал VIP-гидом. Создатель ряда авторских экскурсий, посвященных легендарной составляющей истории города.

Подробнее: www.alex-guide.spb.ru

Юрий Нежинский

Кандидат исторических наук. Выпускник исторического факультета Санкт-Петербургского Государственного Университета. Автор первых комментированных переводов ряда эллинистических папирусов на русский язык. VIP-гид по Санкт-Петербургу. Специалист в области городского фольклора, мифов и легенд, мистики Петербурга.

Подробнее: www.spb-guide.spb.ru

Среди общих проектов авторов - уникальный полнотекстовый путеводитель по Санкт-Петербургу, свободно распространяемый в сети и находящийся в ТОП-10 главных поисковых систем.

Подробнее: www.ispbguide.com

Содержание

[Предисловие](#)

[Первый призрак Петербурга](#)

[Призрак Михайловского замка](#)

[Михайловский замок: мистика здания](#)

[Медный всадник в мистике Петербурга](#)

[Павел I: знаки будущего](#)

[Пророчества монаха Авеля](#)

[Призрак академии Художеств](#)

[Доппельгангер Анны Иоанновны](#)

Предисловие

Цель этой книги - выяснить, правдивы ли мистические легенды Северной столицы, верны ли городские пророчества, сохранились ли в Петербурге призраки и привидения.

Однако уважаемый читатель не найдёт здесь ни увлекательных интервью со свидетелями полтергейстов, ни леденящих кровь бесед с жертвами вампиров, ни зловещих предсказаний мумии в Государственном Эрмитаже, той самой, с которой на языке атлантов недавно общался известный гипнотизёр.

Дело в том, что ни экстрасенсы, ни журналисты к этой книге отношения не имеют. Её авторы - вполне обычные историки, которые сделали здесь вполне обычную историческую работу: поставили вопрос и попросили у покойников ответ на него. Да, так мы всегда и делаем - беседуем с мертвецами. Так что труд историка буквально пропитан мистикой. Правда, не всем нашим коллегам это нравится и в профессиональной среде такие беседы с покойниками обычно называются критикой исторических источников.

Единственное отличие этой книги от обычной монографии - несколько необычно поставленная цель исследования. Действительно, гораздо чаще историки пишут работы об особенностях внешней политики Российской Империи в 1830-1840-е годы или о характерных чертах откупной системы в пореформенной экономике страны. Однако скучная тема - совсем не гарантия качественного исторического исследования (равно как и ироничное предисловие).

Гарантия хорошей работы историка - это прозрачность поставленного вопроса и системы доказательств. То есть если автор описывает читателю события прошлого так, будто он сам при них присутствовал, это не историческая работа, будь он трижды академик всех академий. В этом смысле нет разницы между фразами «широко известно, что у Екатерины Второй было более двадцати любовников, но можно ли её в этом винить?» и «Конечно, русский крестьянин ненавидел барина и барщину». В обоих случаях историк плохо выполняет свою работу, поскольку каждый тезис должен быть доказан ссылками на источники, т.е. на документы эпохи, либо на историографию, т.е. на уже существующие работы по вопросу.

Итак, мы будем пользоваться традиционным методом критики исторических источников и постараемся проверить петербургскую мистику «на вшивость». Однако не все мистические истории попадут в поле нашего исследования, иначе оно рискует стать слишком объёмным. Ведь помимо множества старинных легенд, бытующих в Петербурге, в современных СМИ с завидной регулярностью появляется информация о «непознанном» и «паранормальном». Но мы, с позволения читателя, отринем эту молодую поросль нечистой силы. Нам не хотелось бы писать ни про дух бомжа на Южном кладбище, ни про оборотня из Старой Деревни. Мы займёмся более респектабельной мистикой, петербургскими привидениями и

пророчествами, которыми пугали ещё наших дедушек и бабушек. Тем более, что их немало - здесь и призрак Михайловского замка, и загадочный пророк Авель, и мистический двойник Анны Иоанновны, и многие другие.

Однако отделить «историческую» мистику Петербурга от современных мифов не так уж легко. В наше время процесс мифотворчества, как ни странно, идет активнее, чем когда-либо. Только если раньше мифы передавались из уст в уста, то современные легенды возникают на просторах интернета.

Как выяснилось, породить миф довольно просто. Для начала нужно взять историю поинтереснее и пересказать её своими словами: что-то убрать, что-то добавить от себя, - чтобы было живенько. Потом выложить в сети, убрав, разумеется, ссылки на источники, чтобы никому не повадно было проверять да оценивать – правду ты написал, неправду, или полуправду (что чаще всего и бывает). А дальше дело за особым сортом людей, которых называют копипастерами (от английского Copy and Paste, то есть «вырезать и вставить»). Они быстро разнесут текст по сотням сайтов, иногда копируя его полностью, а иногда, опять-таки, что-то добавляя от себя. В итоге найти первоисточник практически невозможно, а обилие повторений одной и той же легенды создает впечатление «общеизвестности» истории, так что и искать никаких концов не надо: все, мол, и так знают, вон, на каждом заборе написано. Миф готов.

И вот авторы этой книжки решили, в меру своих скромных сил, навести порядок в петербургской мистике. Прежде всего, были отобраны только те мифы, которые действительно могут считаться именно «мифами»: это истории старинные (большинству из них более ста лет); они основываются на исторических документах или показаниях очевидцев; наконец, они известны многим горожанам (особенно петербуржцам не в первом поколении) именно в виде мистических легенд.

Эти-то «исторические» мифы мы и решились подвергнуть разбору, для того чтобы, во-первых, очистить их от современных наслоений, а во-вторых, попытаться понять, насколько они правдоподобны. Соответствующим образом и построена наша книга: в начале каждой главы вы найдете популярный вариант мифа (то, как обычно его в интернете преподносят копипастеры) затем – изложение реальных обстоятельств возникновения легенды, и, наконец, попытку оценить достоверность этого фольклорного текста.

Сразу скажем, что в итоге большая часть легенд окажется не заслуживающей доверия. Большая часть, но не все. Авторы действительно считают, что в истории нашего города остаются загадочные страницы, странности, от которых даже скептик не может отмахнуться. Так что Петербург сохранит свою мистическую ауру, и те, кто хочет видеть его именно таким – «призрачным и вещим», по словам Максимилиана Волошина, – не будут разочарованы.

Первый призрак Петербурга

Как принято рассказывать:

Классический вариант легенды находим на первой странице романа Алексея Толстого «Хождение по мукам»: «Еще во времена Петра Первого дьячок из Троицкой церкви, что и сейчас стоит близ Троицкого моста, спускаясь с колокольни, впотьмах, увидел кикимору — худую бабу и простоволосую, — сильно испугался и затем кричал в кабаке: „Петербург, мол, быть пусту“, — за что был схвачен, пытан в Тайной канцелярии и бит кнутом нещадно» [1](#). Как правило, современные «пересказыватели» опираются на этот пассаж, иногда добавляя кое-что от себя.

На самом деле:

Впервые петербургская публика познакомилась с кикиморой в 1884г. А познакомил их историк Михаил Иванович Семевский - издатель журнала «Русская старина» и специалист по петровской эпохе. Репутация Семевского в кругу ученых всегда была неоднозначной. С одной стороны, созданный им журнал представлял собой одно из главных исторических изданий того времени. С другой стороны, многие обвиняли Семевского в недобросовестности: мол, с источниками он обращается вольно, может что-то при публикации «обрезать», а может и наоборот, добавить от себя – чтобы лучше звучало. Так или иначе, история о кикиморе возникла именно с легкой руки этого исследователя.

В молодости Семевский, помимо всего прочего, был увлечен историей русского политического сыска и много работал в архивах, разбирая протоколы допросов, постановления и приговоры. Читатель удивится, узнав, как много документов дошло до нас от петровской эпохи и как подробно мы имеем возможность проследить ход того или иного дела трехсотлетней давности, зачастую ничем даже не примечательного. Поражен этим был и Семевский. Работал он «с огоньком», материалы подбирались интересные. Но в какой-то момент Семевскому, видимо, пришла в голову мысль, периодически посещающая любого историка: «А как бы мне, такому умнице, заработать немного денег на своих глубоких познаниях?» Ответ не заставил себя ждать: Семевский отобрал самые любопытные дела из архива Тайной канцелярии и, подвергнув их легкой литературной обработке, издал в виде книги, назвав ее «Слово и дело». Книжка эта, удачно балансирующая на грани между серьезным историческим исследованием и популярной беллетристикой, пользовалась у читающей публики большим успехом.

Версия Семевского

Именно в этой книге Семевский и изложил интересующую нас историю. По его утверждению, дело было так: 9 декабря 1722г., находясь ночью на карауле возле Троицкой церкви, солдат Данилов услышал внутри странные звуки: будто бы кто-то ходил там, орал, матерился, громил и крушил все.

Разумеется, бравый солдат сам не полез разбираться, в чем дело. Еле дотянув до утра, полуживой от страха, он доложил обо всем псаломщику Дмитрию Матвееву, пришедшему отпирать храм. Тот сначала не поверил; но, войдя внутрь и осмотрев колокольню церкви, обнаружил там беспорядок: лестница-стремянка, ведущая наверх, к колоколам, была повалена на землю, веревки колоколов оборваны. Матвеев не замедлил рассказать об увиденном прочим служителям церкви. И началось обсуждение. Поп Герасим Титов сразу идентифицировал ночную нечисть, предположив, что в церкви завелась кикимора; с ним вежливо не согласился дьякон Федосеев, в свою очередь, высказавший иную версию: «Не кикимора, а возится в той трапезе... чорт...»² В таком ключе дискуссия продолжалась довольно долго. Дьякон Федосеев в тот день, похоже, был в ударе и прямо-таки фонтанировал версиями. Поэтому, когда речь зашла о том, к чему бы завестись в церкви нечистой силе, он тут же выдал гипотезу: «Да вот с чего возиться в ней чорту... Санкт-Петербурху пустеть будет».³ Вскоре, однако, дьякон понял, что свое мнение ему следовало бы держать при себе. О разговорах иереев стало известно властям, которым почудилась крамола, особенно во фразе о запустении столицы, столь неосмотрительно брошенной Федосеевым. Дьякон вместе с псаломщиком Матвеевым были вызваны для дачи показаний.

В застенке

Здесь необходимо маленькое пояснение. В XVIII веке политическая полиция трудилась, не покладая рук. При этом поводом к аресту могло послужить совершенно невинное, казалось бы, действие. Например, одной из самых частых причин для ареста была нецензурная брань в адрес царствующей особы, а также любых государственных учреждений; фразы, подобные, например, высказыванию подканцеляриста Фатяя Крылова, который «Новоладожскую воеводскую канцелярию бранил матерно: мать-де, как боду забить-де такой уд в нее я хочу, тою канцелярию блудно делать»⁴ в протоколах встречаются постоянно. Еще удивительнее, что любой чиновник, поставивший кляксу на имени или титуле царя в официальном документе, мог подвергнуться аресту за оскорбление величества⁵. Наконец, бывали и совсем курьезные случаи: человек, пытавшийся платком согнать мух с портрета государыни Елизаветы Петровны, тоже оказался в застенке. Судьба всех арестованных была примерно одинаковой: их вздергивали на дыбу и били кнутом, разыскивая государственный заговор⁶. Потом обычно ссылали в Сибирь или на галеры. Неудивительно, что донос на Федосеева поступил практически мгновенно.

Федосеев на следствии показал, что о запустении Петербурга он «... толковал с простоты своея, в такой силе: понеже-де императорского величества при С.-Петербурхе не обретается, и прочие выезжают, так Питербурх и пустеет». От любых попыток найти в его словах «умысел на запустение столичного города» отрещивался он яро. Оно и понятно: перед дьяконом маячила перспектива застенка, «виски» (русского варианта дыбы) и кнута, которым, говорят, опытные палачи могли с четырех ударов забить насмерть. Так что допрашиваемый пустил в ход всю свою хитрость,

которой, впрочем, хватило лишь на то, чтобы его отпустили, выражаясь современным языком, «под подписку» [7](#).

Дело в том, что приближался праздник Рождества Христова. В Троицкой церкви должны были проходить праздничные службы, а дьякон при ней числился только один, и без него было не обойтись. Однако после праздников он обязан был вернуться для дачи нового допроса, на этот раз «с пристрастием» [8](#).

Пусть читатель сам попытается представить, какие чувства испытывает человек, знающий, что через несколько дней ему свяжут за спиной руки, подвешат к потолку, вывернув плечевые суставы, и будут сечь кнутом, каждый удар которого срывает длинную полосу кожи со спины.

В итоге застенка и пытки Федосееву избежать не удалось. Впрочем, окончательный приговор по его делу был довольно мягким: дьякон был сослан в каторгу на три года.

Рождение легенды

Ну а легенда о кикиморе пошла гулять в народ. Хотя гуляла она там, видимо, недолго, потому что больше никаких упоминаний в XVIII в. о ней нет; вторую жизнь кикимора обрела лишь благодаря Семевскому. И несмотря на то, что этот персонаж, строго говоря, является порождением фантазии дьякона Федосеева (ведь, повторимся, ее никто никогда не видел, и даже если в Троицкой церкви кто-то действительно хулиганил, остается неясным, кто именно), в головах петербуржцев кикимора как-то прижилась. Фраза же «Петербургу быть пусту» стала важной частью петербургской мифологии. Эссе с таким названием находим у Мережковского; упоминается это пророчество в романе Михаила Успенского «Загляни в глаза чудовищ». Справедливости ради заметим, что у этой фразы обнаруживается альтернативный автор: по некоторым сведениям, она была произнесена первой женой Петра I Евдокией Лопухиной [9](#). Но обычно ее все же приписывают кикиморе - так интересней.

На многочисленных интернет-сайтах, посвященных петербургской мистике, часто можно прочесть, что «...старожилы утверждают, что если в безлунную ночь выйти на Троицкую площадь неподалеку от Домика Петра I, где некогда находился храм, то как пить дать увидишь худую бабу с зеленоватым цветом кожи, грязную и простоволосую. Она-то и есть кикимора». Действительно, в прошлом такие встречи происходили часто. Однако согласно данным, нами тщательно собранными и проверенными, после того, как вступил в действие запрет на продажу алкоголя в ночное время, число таких встреч резко сократилось, и можно надеяться, что в ближайшем будущем они прекратятся совсем.

Призрак Михайловского замка

Как обычно рассказывают:

Едва вступив на престол после кончины матери, Павел приказывает строить Михайловский замок, сыгравший столь трагическую роль в его судьбе. Здесь он прожил всего сорок дней, здесь был убит, и здесь же родились первые легенды о появлении его призрака.

Дух почившего императора имеет почти точную дату рождения. В 1819 году Михайловский замок, долгое время пустовавший, передали Инженерному училищу, юнкера которого уверяли, что каждую ночь, ровно в 12 часов, в окнах первого этажа появлялась тень Павла I с горящей свечой в руках.

Так будто бы начиналась долгая история знаменитого привидения. Правда, еще строители, ремонтировавшие Михайловский замок накануне передачи его Инженерному училищу, если верить легендам, неоднократно сталкивались с невысоким человеком в треуголке и ботфортах, который появлялся ниоткуда, словно просочившись сквозь стены, важно расхаживал по коридорам взад и вперед и грозил работникам кулаком. Если верить фольклору, дух очень напоминал экспансивного и эмоционального государя Павла Петровича.

Многие современные обитатели замка до сих пор утверждают, что неоднократно видели призрак императора, играющего на флажолете – старинном музыкальном инструменте наподобие флейты. И сейчас в гулких помещениях бывшей царской резиденции таинственно поскрипывает паркет, неожиданно и необъяснимо стучат двери и при полном отсутствии ветра настежь распахиваются старинные оконные форточки. Обитатели замка, как замороженные, отрываются от дел и тихо произносят: «Добрый день, Ваше величество» [10](#).

На самом деле:

Первое, что следует опровергнуть - это появление призрака Михайловского замка сразу после гибели императора, во время ремонта под Инженерное училище или же в 1819 году. Мы можем утверждать, что призрак объявился не ранее конца 1840-х годов. На каком основании? Дело в том, что в 1830-е-1840-е годы здесь учились известные в будущем литераторы: Ф.М. Достоевский и Д.В. Григорович.

Д.В. Григорович оставил довольно подробные воспоминания о своём обучении. Литератор стремился сделать мемуары не только информативными, но и занимательными, сообщая, к примеру, о дедовщине среди учеников или о самодурстве Великого князя Михаила Павловича, шефа училища [11](#). Совершенно очевидно, что если бы среди учащихся ходили слухи о призраке, Д.В. Григорович бы их упомянул.

Ф.М. Достоевский и Д.В. Григорович были товарищами в училище, у них были общие литературные интересы и общий круг чтения. Сам Ф.М. Достоевский запоем читал "Петербургские повести" Н.В. Гоголя, а Д.В. Григоровичу советовал прочесть "Астролога" В. Скотта и "Кота Мурра" Э.

Гофмана [12](#). Сложно поверить, что погружаясь в мистический мир Гофмана и Вальтера Скотта, будущие литераторы могли полностью игнорировать мистику здания, в стенах которого жили, но об этом ни у того, ни у другого ни слова.

Загадочный генерал

Вероятно, призрак родился в конце 1840-х-начале 1850-х годов. Дело в том, что в 1862 году Инженерное училище закончил двадцатилетний И.С. Запорожский. Следующие два года он будет продолжат учёбу в Николаевской инженерной академии и будет выпущен оттуда в чине штабс-капитана. Запорожский будет служить в Польше, на Кавказе, на Украине, закончит свою карьеру генерал-майором и умрёт в начале XX столетия [13](#). Этого человека, в отличие от некоторых других выпускников Инженерного училища, не знают ни военные историки, ни историки литературы, ни историки фольклора. Однако именно И.С. Запорожский сделал призрак Павла I известным каждому петербуржцу. Ведь именно он рассказал автору «Левши» и знаменитому публицисту XIX века Н.С. Лескову историю, которая легла в основу рассказа «Привидение в Инженерном замке» [14](#). Напомним фабулу этого рассказа.

«Привидение в Инженерном замке» [15](#)

Умирает начальник Инженерного училища генерал Ламновский. Учащиеся ненавидят Ламновского за жестокость и часто пародируют его привычку "доить нос", т.е. тереть нос при произнесении скучных и сбивчивых речей. Во время траурных мероприятий ночью на карауле у гроба Ламновского остаются четыре кадета. Один из них, особенно ненавидевший покойного, решает в шутку "подоить" ему нос.

Когда шутник дотрагивается до носа, начинает твориться чертовщина: погребальная пелена покойника опутывает кадета, а в дверном проёме появляется ужасный призрак, описание которого весьма впечатляюще: "Привидение не было мечтою воображения - оно не исчезало и напоминало своим видом описание, сделанное поэтом Гейне для виденной им "таинственной женщины": как то, так и это представляло "труп, в котором заключена душа". Перед испуганными детьми была в крайней степени изможденная фигура, вся в белом, но в тени она казалась серою. У неё было страшно худое, до синевы бледное и совсем угасшее лицо; на голове всклокоченные в беспорядке густые и длинные волосы. От сильной проседи они тоже казались серыми и, разбегавшись в беспорядке, закрывали грудь и плечи привидения!.. Глаза виделись яркие, воспалённые и блестящие болезненным огнем... Сверканье их из тёмных, глубоко впалых орбит было подобно сверканью горящих углей. У видения были тонкие худые руки, похожие на руки скелета, и обеими этими руками оно держалось за полы тяжёлой дверной драпировки. Судорожно сжимая материю в слабых пальцах, эти руки и производили тот сухой суконный шелест, который слышали кадеты. Уста привидения были совершенно черны и открыты, и из них-то после коротких промежутков со свистом и хрипением вырывался тот

напряженный полустон-полувздых, который впервые слышался, когда К-дин взял покойника за нос" [16](#).

К удивлению насмерть перепуганных кадетов, призрак, приблизившись к шутнику, забирает пелену, окутавшую беднягу и крестит его. Затем призрак обнимает покойника и остаётся в этой позе. Появившиеся на крик кадетов взрослые узнают в призраке престарелую супругу Ламновского.

Данный рассказ - пример демистификации, призрак оказывается вполне живым человеком, причём способным на высокие христианские чувства любви и прощения (жена видит, как кадет хватается за нос её покойного мужа, тем не менее, помогает освободиться от пелены и крестит сорванца).

Дедовщина и привидения

При помощи мистической истории Н.С. Лесков имел в виду привлечь внимание общественности к мрачным порядкам, которые царили в Инженерном училище, проще говоря, к дедовщине:

«Особенно было в моде пугать новичков или так называемых "малышей", которые, попадая в замок, вдруг узнавали такую массу страхов о замке, что становились суеверными и робкими до крайности. Более всего их пугало, что в одном конце коридоров замка есть комната, служившая спальней покойному императору Павлу, в которой он лёг почивать здоровым, а утром его оттуда

вынесли мёртвым. "Старики" уверяли, что дух императора живёт в этой комнате и каждую ночь выходит оттуда и осматривает свой любимый замок, - а "малыши" этому верили. Комната эта была всегда крепко заперта, и притом не одним, а несколькими замками, но для духа, как известно, никакие замки и затворы не имеют значения. Да и, кроме того, говорили, будто в эту комнату можно было как-то проникать. Кажется, это так и было на самом деле. По крайней мере, жило и до сих пор живёт предание, будто это удавалось нескольким "старым кадетам" и продолжалось до тех пор, пока один из них не задумал отчаянную шалость, за которую ему пришлось жестоко поплатиться. Он открыл какой-то неизвестный лаз в страшную спальню покойного императора, успел пронести туда простыню и там её спрятал, а по вечерам забирался сюда, покрывался с ног до головы этой простынёю и становился в тёмном окне, которое выходило на Садовую улицу и было хорошо видно всякому, кто, проходя или проезжая, поглядит в эту сторону. Исполняя таким образом роль привидения, кадет действительно успел навести страх на многих суеверных людей, живших в замке, и на прохожих, которым случалось видеть его белую фигуру, всеми принимавшуюся за тень покойного императора. Шалость эта продолжалась несколько месяцев и распространила упорный слух, что Павел Петрович по ночам ходит вокруг своей спальни и смотрит из окна на Петербург. Многим до несомненности живо и ясно представлялось, что стоявшая в окне белая тень им не раз кивала головой и кланялась; кадет действительно проделывал такие штуки. Всё это вызывало в замке обширные разговоры с предвещательными истолкованиями и закончилось тем, что наделавший описанную тревогу кадет был пойман на месте преступления и, получив "примерное наказание на теле", исчез навсегда из заведения. Ходил слух, будто злополучный кадет имел несчастье испугать своим появлением в окне

одно случайно проезжавшее мимо замка высокое лицо, за что и был наказан не по-детски. Проще сказать, кадеты говорили, будто несчастный шалун "умер под розгами", и так как в тогдашнее время подобные вещи не представлялись невероятными, то и этому слуху поверили, а с этих пор сам этот кадет стал новым привидением. Товарищи начали его видеть "всего иссеченного" и с гробовым венчиком на лбу, а на венчике будто можно было читать надпись: "Вкушая вкусих мало мёду и сё аз умираю". Если вспомнить библейский рассказ, в котором эти слова находят себе место, то оно выходит очень трогательно. Вскоре за гибелью кадета спальная комната, из которой исходили главнейшие страхи Инженерного замка, была открыта и получила такое приспособление, которое изменило ее жуткий характер, но предания о привидении долго ещё жили, несмотря на последовавшее разоблачение тайны. Кадеты продолжали верить, что в их замке живёт, а иногда ночами является призрак. Это было общее убеждение, которое равномерно держалось у кадетов младших и старших, с тою, впрочем, разницею, что младшие просто слепо верили в привидение, а старшие иногда сами устраивали его появление. Одно другому, однако, не мешало, и сами подделыватели привидения его тоже побаивались. Так, иные "ложные сказатели чудес" сами их воспроизводят и сами им поклоняются и даже верят в их действительность» [17](#).

Михайловский замок и собор Парижской Богоматери

Интересно, что дедовщина в Михайловском замке была старше, чем призрак Павла. Мы выяснили, что в первые десятилетия существования училища, будущие инженеры и не помышляли о призраках, но специфические отношения между старшими и младшими воспитанниками упоминаются и Ф.М. Достоевским и Д.М. Григоровичем, да, в общем, практически каждым мемуаристом, вспоминающим об Инженерном училище за столетие его существования.

Сложно сказать, удалось ли Н.С. Лескову при помощи своего рассказа обратить внимание общественности на дедовщину и улучшить положение младших воспитанников училища. Но привлечь внимание к Михайловскому замку ему, безусловно, удалось. Как в случае собора Парижской Богоматери, словно возникшего из небытия для парижан после выхода одноимённого произведения В. Гюго, Михайловский замок благодаря рассказу Н.С. Лескова получил мистическое наполнение, его заметили, про него стали говорить. И всё из-за призрака, которого согласно мнению Н.С. Лескова и, видимо, его информатора, И.С. Запорожского, выдумали старшие кадеты для того, чтобы запугивать младших.

Призрак становится страшным

В XX веке Михайловский замок начинает восприниматься прежде всего как сооружение, овеянное мистикой. Хорошая иллюстрация этого факта – упоминания Михайловского замка в «Розе мира» Д.Л. Андреева. Напомним, что Даниил Андреев – известный мистик, которого посещали регулярные видения. Эти видения Андреев воспринимал как откровения, в которых ему

даётся истинная картина мироздания, состоящая из множества параллельных миров, адских и райских.

Если бы Андрееву повезло родиться за рубежом или хотя бы на пару десятилетий раньше, он, обладая безусловным литературным талантом и верой в свои паранормальные способности, мог бы стать гуру своей эпохи. Однако в сталинском Советском Союзе мистики богемного происхождения были не в моде. Ни одно произведение Андреева не было издано при его жизни, зато «Роза Мира»- подробное описание видений, изданное на излёте Перестройки, - произвело эффект разорвавшейся бомбы. В «Розе мира» несколько раз упоминается Петербург в параллельных мирах, а самые почётные места там занимают Медный Всадник и Михайловский замок.

В аду, который носит название «Агра», на крыше Михайловского замка Даниил Андреев видел огромное существо, напоминавшее «ящера мезозойской эры». «Оно было женского пола, мешковатое и рыхлое, с серою, ноздреватую кожей. Сиротливо прижавшись щекой к башне и обняв ее правую лапой, бедняга неподвижно смотрела перед собой совсем пустыми, как мне показалось, глазницами. Она была глубоко несчастна. Поэтому, ей мучительно хотелось кричать или выть, но ни рта, ни пасти у нее не было. Впрочем, чревато опасностями могло быть самое чувство жалости к ней: лукавая хищница подстерегала жертву» [18](#). В качестве жертв чудища выступали населявшие Агру обнажённые уродливые карлики, представлявшие собой души грешников. Будучи всосанными через поры ящера, они опускались в нижний ад, Буствич.

Если Петербург Агры представлял собой вечно тёмный город со зданиями, излучающими кроваво-красное свечение, то Буствич состоял из нечистот ящеров, обитавших в Агре. Человеческие души здесь были не карликами-они состояли из кала и были почти лишены подвижности, пожираемые демонами-червями величиной с кошку. Именно в буствичском аналоге Михайловского замка и обитает душа Павла I. «Суровость постигшего его несчастья поразила меня, - пишет Д. Андреев.- Но мне было объяснено, что, если бы часть груза не была снята с него мукой его умерщвления в ночь на 12 марта и вместо этого он продолжал бы тиранствовать вплоть до своей естественной кончины - груз содеянного повлек бы его еще глубже» [19](#).

Можно по-разному относиться к произведению Даниила Андреева. Если мы хотя бы отчасти признаём реальность видений автора, Михайловский замок оказывается центральным объектом, осью мистического Петербурга - тут уже не до шалостей кадетов. Если же мы остаёмся скептиками, то очевидно, что коннотация между мистикой и Михайловским замком для москвича Д. Андреева [20](#) оказывается уже безусловной. Ведь когда нормальное функционирование его сознания прерывается, материалом для конструирования видений оказывается именно эта связь.

Физики и лирики: точки соприкосновения [21](#)

В 1980-е годы в СССР появились организации, ставившие своей целью исследования аномальных явлений научными методами. Среди этих организаций нас будут интересовать Комиссия по аномальным явлениям при Русском Географическом Обществе Российской Академии Наук и

организация «Космопоиск» при Московском Авиационном Институте. Почему именно они? Во-первых, потому что в силу тесной связи с авторитетными научными институтами как раз они и вызывают преимущественное доверие. Во-вторых, потому что члены этих организаций были единственными, кто проявил интерес к Михайловскому замку.

По словам Е. А. Рудновой, координатора групп «Космопоиск» по СЗФО, официальных попыток исследовать или зафиксировать паранормальную активность в Михайловском замке никто никогда не осуществлял. Связано это было, с одной стороны, с бюрократическими затруднениями: одно дело проводить исследования в поле, другое - проводить их в патентной библиотеке, которая располагалась здесь в 1980-е годы. С другой стороны, исследователи паранормальной активности всегда предпочитали массовые сообщения очевидцев-современников фольклору. И их можно понять. Исследования в основном сводились к попытке зарегистрировать отклонения в показаниях физических измерительных инструментов (счётчика Гейгера, термометра, магнитометра и т.д.) и на их основании выявить закономерность между физическими изменениями и аномальными явлениями, в основном фиксируемыми визуально. Упрощённо говоря, наблюдая наряду с десятком других очевидцев НЛО на берегу Финского залива в окружении приборов вероятность получить показательные результаты гораздо выше, чем сидя в течение неопределённого времени в Инженерном замке.

Однако в силу широкой известности мистического фольклора, посвящённого Михайловскому замку, члены упомянутых выше организаций осуществили весьма ограниченное и неофициальное исследование, которое заключалось в опросе отдельных сотрудников Патентной библиотеки, съёмке помещений на плёночный фотоаппарат, измерении магнитного поля и лозоходстве. Результаты не были опубликованы, но, по словам Е.А. Рудновой, они были следующими:

Опросы. Некоторые сотрудники сообщали об ощущениях беспричинного страха в вечернее время, об этом же говорили некоторые посетители Патентной библиотеки.

Фотосъёмка. Предполагалось, что на негативе или при наложении некоторых фильтров на фотоплёнке может фиксироваться аномальная активность. Однако в данном случае фотосъёмка никаких результатов не дала.

Измерение магнитного поля при помощи магнитометра. Предполагалось, что в случае аномальной активности могут быть зафиксированы существенные отклонения от общего магнитного фона. В данном случае никаких отклонений выявлено не было.

Лозоходство (также известное как биолокация). Предполагалось, что при помощи изогнутой рамки или иных приспособлений (например, ветки лозы) подготовленный человек может обнаружить предметы или пустоты под землёй. Исследователи, по словам Е.А. Рудновой, хорошо понимали, что научных доказательств эффективности этого метода не существует, однако возможности использовать дорогостоящий георадар не было. Лозоходство показало наличие пустот и пересечения разломов земной коры под Михайловским замком. Предполагается, что на точках пересечения разломов земной коры аномальная активность проявляется особенно часто.

Несложно заметить, что методы и результаты исследования оказались весьма сомнительны. Но это был единственный до сих пор случай, когда

кто-либо попытался исследовать призрак Михайловского замка, а не просто пересказать легенду о нём. Безусловный вывод, который мы можем сделать на основе приведённого материала: в петербургском фольклоре легенда о призраке Михайловского замка в XX веке стала наиболее известной мистической историей города, поэтому первым объектом Петербурга, обследованным уфологами, стало именно это здание.

Итоги

Легенда возводит появление призрака Михайловского замка ко времени, непосредственно последовавшему за гибелью здесь императора Павла I. Однако на основании мемуарных источников сведения о призраке появляются не ранее конца 1840-х годов.

Образ призрака активно использовался, если не был создан, старшими кадетами Николаевского Инженерного училища, обосновавшемся в Михайловском замке, для запугивания младших.

Известность призраку Михайловского замка принёс занимательный, но в полной мере демистифицирующий рассказ Н.С. Лескова «Привидение в Инженерном замке», целью которого было привлечение внимания к дедовщине, царившей в училище.

Образ Михайловского замка доминирует на картах адских двойников Петербурга в видениях мистика Даниила Андреева.

Михайловский замок - уникальный объект Петербурга, где в ограниченных размерах проводилось исследование его вероятных аномалий. Аномальных явлений зафиксировано не было.

Призрак Михайловского замка на сегодняшний день - известнейший призрак городского фольклора, знакомый каждому горожанину.

Михайловский замок: мистика здания

Как обычно рассказывают:

Михайловский замок, прежде всего, известен как обиталище призрака Павла I. Однако история строительства и символика здания также окутаны мистикой.

Это касается и названия здания. В Петербурге немало объектов, связанных с личным именем «Михаил». В них подчас легко запутаться: Михайловский дворец не имеет отношения к Новомихайловскому, а оба они - к Михайловскому замку. При этом, если первые два названы по именам владельцев, то Михайловский замок строился вовсе не для Михаила, а для императора Павла I. Почему же резиденция государя получила такое имя? Легенда объясняет происхождение так:

"Однажды стоявшему в карауле у старого Летнего дворца Елизаветы Петровны солдату явился в сиянии архангел Михаил. Он велел часовому тотчас идти к императору и сказать, что этот Летний дворец должен быть разрушен, а на его месте построен храм во имя архистратига Михаила. Солдат сделал так, как велел архангел, на что Павел будто бы ответил: «Воля его будет исполнена». В тот же день он распорядился о постройке нового дворца и при нём церкви во имя архистратига". [22](#). Иногда легенда расширяется следующим образом:

"Накануне явления архангела часовому Павел заметил у дверей своего кабинета неизвестного старика в монашеской рясе. У него было красивое лицо, изборождённое морщинами, длинная седая борода и приветливый взгляд. В то время императрица готовилась стать матерью десятого ребёнка. Старик преградил дорогу императору: «Супруга твоя, - заговорил он, - родит тебе сына, которого ты, государь, наречёшь Михаилом. Этим же именем святого архангела ты назовёшь дворец, который построишь на месте своего рождения. Таинственный гость исчез. Через несколько дней императрица действительно родила сына, которому по желанию Павла «при молитве дано было имя Михаил». Вот почему в некоторых вариантах легенды о видении, явившемся солдату на посту у Летнего дворца, в ответ на рассказ часового, Павел отвечает: «Да, я знаю. И это уже мною исполнено»." [23](#)

На самом деле:

Странное название Михайловского замка появляется в эпоху правления Павла I, о чём единодушно сообщают мемуаристы. Наиболее авторитетным из них является фрейлина В.Н. Головина.

Варвара Николаевна Головина (1766—1819) почти всю жизнь провела при дворе, оставив весьма достоверные воспоминания о правлении Екатерины Великой, Павла Первого и Александра Благословенного. Всех вышеперечисленных она хорошо знала лично. В начале царствования Павла графиня оказалась в немилости, тем не менее, находилась в

Петербурге и лично могла засвидетельствовать появление слухов о названии замка.

Мемуаристка связывает распространение легенды о солдате, которому явился архангел Михаил, с придворными интриганами, стремившимися «направить воображения государя в нужное русло». Впрочем, зачем это было нужно «некоторым приближённым лицам», В.Н. Головина не сообщает. По мнению мемуаристки, под влиянием этих слухов государь и начал строительство замка на месте старого дворца Елизаветы Петровны, а также дал обет назвать своего будущего сына Михаилом. Таким образом, достоверный источник полностью подтверждает легенду, хотя к вероятности появления архангела относится крайне скептически и никакого старца не упоминает.

Вариант истории, в котором указание свыше передаёт старец вместо архангела, отражён в записках А.Т. Болотова. Андрей Тимофеевич Болотов (1738—1833) - блестящий энциклопедист-самоучка с широчайшими интересами: от проблем психологии и сельского хозяйства до вопросов политики и истории. В 1797 г. он находился в Богородицке близ Тулы, следовательно, легенду он передаёт из третьих рук. А.Т. Болотов передаёт всю историю как некий слух, ходивший по городу и сомневается в её достоверности. Мемуарист отмечает, что причиной появления слуха явилось странное название заложенного замка и настойчивое указание именовать его именно Михайловским, появившееся «не только в указе, но и в газетах» [24](#). При этом А.Т. Болотов предполагает, что у государя были некие «особливые причины» [25](#) назвать замок Михайловским, а сама легенда явилась лишь «выдуманною басенкою, или, по крайней мере, какою-нибудь политической стратагемою» [26](#).

Таким образом, приведённая легенда является одной самых достоверных и старинных во всём петербургском мистическом тексте. Единственное, что не заслуживает доверия в распространённом ныне фольклоре, - упоминание о том, что старик явился накануне рождения сына Павла Михаила. Между закладкой замка и рождением сына прошло около года, и все мемуаристы сходятся в том, что замок получил название непосредственно после закладки. Кроме того, оба заслуживающих доверия мемуариста сообщают, что указание свыше было передано государю через солдата, никаких слухов о явлении самому императору не было.

Попытки интерпретации

Итак, рассказ о мистическом приказе относительно названия замка стал активно бытовать сразу после закладки замка. Вопрос о том, являлись ли в действительности солдату старец или сам архангел Михаил ставить бессмысленно, ответа на него не будет. С другой стороны, очень быстрое распространение однозначной интерпретации появления названия говорит либо о реальном сообщении караульного солдата (что, как Вы понимаете, не означает, что он действительно видел святого), либо об активно пропагандируемой выдумке. Оба наших мемуариста склоняются к последнему варианту. Но кому было выгодно распространение подобной истории? На наш взгляд - только самому Павлу I.

Михайловский замок строился «стахановскими темпами», туда сносились материалы и сгонялись рабочие со всех прочих строек города, государь въехал во дворец, когда ещё не просохли стены. Сложно поверить, что такая поспешность явилась следствием свидетельства некоего солдата. Очевидно, Павел имел более серьёзные основания для того, чтобы стремиться к переселению в новую резиденцию. История об указании свыше оказывалась в таком случае хорошим объяснением для общественности, т.к. скорейшее выполнение приказа высших сил безусловно должно было одобряться религиозно настроенными широкими слоями населения. Каковы же могли быть истинные мотивы Павла при постройке новой резиденции?

Небесный Иерусалим государя

Павел не вёл дневников, не писал мемуаров и не был склонен подробно разъяснять смысл своих действий. Поэтому общий замысел императора можно представить лишь по косвенным данным. Что же необычного мы видим в архитектуре Михайловского замка? Наиболее авторитетный ныне исследователь символики замка Л.В. Хайкина [27](#) обращает внимание на следующие элементы

Надпись на фронте «Дому Твоему подобает Святыня Господня в долготу дней». Надпись представляет собой видоизменённую цитату из 29 псалма: "дому твоему подобает, Господи, святыня в долготу дней". Медные буквы были выполнены для Воскресенского собора Смольного Монастыря, затем перенесены на стройку Исаакиевского собора, а при Павле переместились на его резиденцию.

Названия ворот «Воскресенские», «Зачатейские», «Рождественские», «Воскресенские. Эти названия хорошо гармонировали бы с архитектурной номенклатурой церкви или монастыря, но не дворца.

План дворца: квадрат с вписанным в него восьмиугольником. Квадрат упоминается в Апокалипсисе как форма Небесного Иерусалима, восьмиугольник - символ «Восьмого дня творения» - воскресения Иисуса Христа и начала Вечности.

Расположение царских мест в дворцовой церкви архангела Михаила. Они находились на балконах в апсиде, в непосредственной близости от алтаря.

Совокупность указанных элементов можно рассматривать как доказательство стремления Павла I воплотить в Михайловском замке идею жилища царя-первосвященника. Если мы вспомним обстоятельства коронации государя: парадный въезд в Москву был приурочен к Вербному воскресенью, торжественная церемония венчания - к Пасхе, во время церемонии государь облачился в далматик, подобие одежды Христа - закладка дворца-храма по возвращении в Петербург оказывается лишь элементом в этой последовательности событий.

Выводы

Михайловский замок вполне оправдано имеет репутацию самого мистического здания в городе. У государя был детальный план относительно его символического значения и этот план представляется весьма загадочным. Вероятно, он имел отношение к образу дома царя-первосвященника, посредника между Богом и людьми, каким и воспринимал себя Павел. Являлся солдату старец или ангел, действительно ли солдат сообщил о видении или это была чья-то интрига, мы вряд ли сможем выяснить. Но одно несомненно - слух повлиял на государя, уверив его в необходимости строительства новой резиденции, которую он и без того планировал. Слух также объяснил поспешность возведения замка и его странное название широким слоям населения - возможно, распространению легенды способствовал сам государь.

Постскриптум

Разумно предположить: а не придаём ли мы слишком большое значение символике? Возможно, Павла она не интересовала вовсе, а все выделенные нами особенности архитектуры замка - случайность, равно как и название «Михайловский»? Ведь во всех императорских резиденциях были церкви – кому-то в конце концов нужно было посвятить и церковь в новом дворце. Почему бы не архангелу Михаилу? Нельзя ли отсюда вывести относительно случайное название резиденции? Или, может быть, название ворот и прочие аллегории – просто замысел архитектора, а Павел символикой и вовсе не интересовался?

Подобная версия весьма сомнительна в свете того, что в библиотеке Павла I находилась масса книг по вопросам христианской экзегезы, а император блестяще разбирался в символике службы и особенностях христианской иконографии. Таким образом, государь, в отличие от нас, отлично понимал, что именно представлено в символике его замка и сложно поверить, что не он был инициатором использования этой символики.

Горькая ирония, пожалуй, заключается в том, что в некоторых случаях аллегории были реинтерпретированы потомками в совершенно ином, нежели задумывалось, свете. Так, широко известна легенда о том, что императору было предсказано: сколько букв в надписи *«Дому Твоему подобаеъ Святыня Господня в долготу дней»* на фасаде его замка, столько лет он и проживёт. Государь действительно погиб на 47м году жизни. Никаких данных о существовании подобного предсказания до гибели Павла у нас нет. Так что, весьма вероятно, оно появилось задним числом. Однако, совпадение букв и лет правления, и правда, очевидно- не слишком ли заигрался государь с опасной мистикой, от чего и пострадал?

Медный всадник в мистике Петербурга

Как обычно рассказывают:

Однажды вечером Павел в сопровождении своего друга князя Куракина шел по улицам Петербурга. Вдруг впереди показался человек, завернутый в широкий плащ. Казалось, он поджидал путников и, когда те приблизились, пошел рядом с ними. Павел вздрогнул и обратился к Куракину: «С нами кто-то идет рядом». Однако тот никого не видел и пытался убедить в этом великого князя. Вдруг призрак заговорил: «Павел! Бедный Павел! Я тот, кто принимает в тебе участие». Затем призрак пошел впереди путников, как бы ведя их за собой. Подойдя к середине площади, он указал место будущему памятнику. «Прощай, Павел, - проговорил призрак, - ты снова увидишь меня здесь». И когда, уходя, он приподнял шляпу, Павел с ужасом разглядел лицо Петра. [28](#)

На самом деле:

Как нам удалось установить, единственным источником этой легенды являются мемуары баронессы Г. фон Оберкирх. Сами мемуары на русский язык не переведены, поэтому отечественными историками практически не используются. Но фрагмент о видении Павла цитируется постоянно, поскольку он был напечатан на русском языке в журнале «Русский Архив» (1869) [29](#).

Можно ли доверять баронессе Оберкирх? Что это за женщина?

Генриетта фон Оберкирх (1754-1803) известна благодаря своим обширным воспоминаниям, которые заканчиваются 1789 годом и дают прекрасную картину жизни высшего света Европы незадолго до Французской революции. Баронесса была подругой детства принцессы Вюртембергской Софии Доротеи, которая под именем Марии Фёдоровны стала супругой наследника русского престола, а затем и императора Павла I. Г. фон Оберкирх путешествовала вместе с Павлом и Марией по Франции, Бельгии и Германии в 1782 г. [30](#)

Баронесса Оберкирх является для историка идеалом мемуариста. Она не просто стремится передавать достоверные факты, но и основывается на записках и дневниках, которые вела в течение жизни. Таким образом, мы хорошо знаем об обстоятельствах, при которых Павел Петрович рассказал историю о мистической встрече со своим предком.

Дело было 10 июля 1782 г. в Брюсселе. За ужином, на котором присутствовал будущий российский император, стали обсуждать чудесные и сверхъестественные явления. Каждый из присутствующих рассказывал что-либо, один Павел хранил молчание. Известный светский лев князь де Линь, наконец, предложил и Павлу поведать интересную историю. Великий князь, посоветовавшись с находившимся рядом Куракиным, изложил рассказ, приведённый нами выше. Предварительно он взял с окружающих слово хранить рассказ в секрете.

Достоверность легенды:

Итак, нет сомнений, что баронесса Оберкирх, основываясь на записи, сделанной немедленно после окончания ужина, изложила рассказ правдиво. Однако быть может, Павел рассматривал эту историю как занимательный анекдот, выдуманный по случаю? С точки зрения мемуаристики, это не так, отказывать ей в доверии у нас нет оснований, а параллельных данных мы не имеем. Г. фон Оберкирх сообщает, что супруга Павла всё же узнала о рассказанной им истории, несмотря на просьбу императора молчать об этом. Будущий государь пытался убедить её, что всё рассказанное – выдумка [31](#). Если бы все восприняли рассказ как выдумку, Павлу не было бы никакого резона убеждать в этом напуганную супругу. Через полтора месяца после памятного ужина Павел получил письмо из Петербурга. В письме сообщалось о торжественном открытии памятника Петру Великому, известного впоследствии как Медный всадник. По словам Г. фон Оберкирх, хотя при чтении письма государь пытался улыбаться, мертвенная бледность покрыла его лицо [32](#). Неудивительно - памятник был установлен на том самом месте, где произошла встреча с призраком.

Выводы

Итак, вероятнее всего, Павел действительно видел что-то напомнившее ему далёкого предка в ту белую ночь на Сенатской площади. Заметим, что в тексте баронессы Оберкирх есть фраза, которая обычно не упоминается в пересказах в силу её кажущейся избыточности. Когда призрак Петра обещает правнуку новую встречу, он буквально говорит: «Ты еще увидишь меня опять, здесь и кое-где еще». «Здесь» - это, конечно, Сенатская площадь. Но что означает «кое-где ещё»? Возможно, устанавливая перед своей новой резиденцией, Михайловским замком, памятник своему предку Павел торопил осуществление предсказания? А значит, и торопил свою смерть, ведь именно так он понял видение согласно мемуарам Г. фон Оберкирх: «Это значит, что я умру в молодых летах» [33](#).

Постскриптум

В данной работе мы не анализируем литературные произведения, повествующие о мистике Петербурга. Ведь наша задача - выяснить, есть ли реальная основа у легенд о городских призраках. Что же касается художественной литературы - кажется очевидным, что речь идёт о вымысле автора. Однако обратим внимание, сколь часто русская классическая литература связывает мистику с «Медным всадником».

Самому названию «Медный всадник» обязан одноимённому произведению А.С. Пушкина, но ведь памятник вовсе не медный, а бронзовый. Концовка произведения является вполне мистической. Потерявший в наводнении 1824 года свою возлюбленную Прасковью чиновник Евгений в беспомощности бродит по Петербургу. Наткнувшись на памятник Петру Великому, герой понимает, что именно государь виноват в его бедствиях - он основал город на месте, подверженном наводнениям и чуждом для человека. Евгений грозит памятнику и – о ужас!- Медный всадник соскакивает со своего поста и мчится за безумцем. Несётся ли бронзовый истукан в больном сознании чиновника или в реальности - неясно. [34](#)

Тот же мотив передан в романе Ф.М.Достоевского «Подросток»: «А что, как разлетится этот туман и уйдет кверху, не уйдет ли с ним вместе и весь этот гнилой, склизкий город, подыметя с туманом и исчезнет как дым, и останется прежнее финское болото, а посреди его, пожалуй для красоты, бронзовый всадник на жарко дышащем, загнанном коне?» [35](#).

У Андрея Белого в романе «Петербург» (который, кстати, по словам автора, был задуман при восхождении на пирамиду Хеопса [36](#)) герой в плену галлюцинаций заключает сделку с силами зла и убивает своего товарища. Затем он влезает на труп и застывает в позе Медного всадника с выставленным вперёд орудием убийства - окровавленными ножницами. [37](#)

Наконец, известный мистик и духовидец XX века Даниил Андреев, описывая один из адских миров в «Розе Мира», сообщает о том, что в inferнальном Петербурге факел в руке Медного всадника является единственным источником света, при этом Пётр сидит не на коне, а на жутком драконе [38](#).

Сложно сказать, насколько в указанные мотивы произведений русской литературы являются продуктами одной только богатой фантазии авторов. Или, быть может, они находились под влиянием мистики Медного всадника?

Павел I: знаки будущего

Как обычно рассказывают:

Став наконец императором и остерегаясь жить в Зимнем дворце, где ему постоянно мерещились заговоры, склонный к болезненному мистицизму, Павел, согласно преданию, однажды проговорил: «Хочу умереть там, где родился». В 1797 году деревянный Летний дворец, в одной из комнат которого Павел появился на свет, по его приказу разбирают, и на его месте начинается грандиозное строительство замка, названного Михайловским в честь архангела Михаила, в день поминаения которого (9 марта) замок был заложен.

За несколько дней до гибели Павел будто бы жаловался, что видит кровь, проступающую на стенах спальни. Это приводит его в состояние «животного страха». Он вспомнил, как однажды на балу на короткое время внезапно потерял сознание, а когда очнулся, то все увидели его глаза, полные ужаса, и услышали невнятный шепот: «Неужели меня задушат?»

Ещё через несколько дней Павлу Петровичу приснился сон: некая незримая сверхъестественная сила возносит его кверху. Проснувшись, он заметил, что и Мария Федоровна не спит. Оказывается, и ей приснился тот же самый сон.

9 марта Павел проснулся от мучительного сна. Ему снилось, будто на него надевают слишком узкую одежду, которая его душит.

10-го, после ужина, как рассказывает ещё одна легенда, Павел подошёл к зеркалу, имевшему случайный недостаток. Оно искривляло изображение. «Посмотрите, какое смешное зеркало, - криво усмехнулся император, - я вижу себя в нём с шеей на сторону».

11-го, во время последнего ужина, напряжённое молчание прервалось неожиданным чиханием наследника престола. Рассказывали, что Павел I повернулся к нему и печальным голосом проговорил: «Я желаю, ваше высочество, чтобы желания ваши были исполнены». После этого вдруг стал задумчив, побледнел, встал необычно рано из-за стола и вместо обыкновенных слов прощания сказал: «Чему быть, того не миновать». По другому преданию, на пути из столовой в спальню Павел будто бы сказал кому-то: «На тот свет идтить - не котомки шить». Если верить фольклору, это были последние слова, сказанные императором Павлом I при жизни [39](#).

На самом деле:

Михайловский, или Инженерный, замок не случайно имеет «статус» самого мистического места в городе. Действительно, не одна и не две легенды повествуют о судьбе его владельца и, в частности, о его предсмертных предчувствиях. Разберемся в этих легендах по порядку.

«Я хочу умереть там, где родился»

Легенда о Павле I, с завидным упорством воспроизводимая во всех путеводителях по "мистическому Петербургу", повествует о предсказании, сделанном этим императором самому себе. Якобы Павел, отдавая приказ о строительстве Михайловского замка, сказал: "На этом месте я родился, здесь хочу и умереть". Фраза эта оказалась для него пророческой.

Авторы многочисленных (и подозрительно похожих друг на друга) сайтов о "загадочном Питере" не утруждают себя указаниями на источник этой легенды. Между тем, источник есть, причем единственный. Источник этот - записки Августа Коцебу, известного писателя, имевшего, впрочем, неоднозначную репутацию. Записки Коцебу были преподнесены императору Александру II сыном писателя, состоявшим на русской службе. Позже они были опубликованы в сборнике "Цареубийство 11 марта 1801 года" [40](#).

Переводчик и комментатор этих записок А. С. Лобанов-Ростовский отмечал некоторую предвзятость Коцебу, зачастую влиявшую на характер его повествования. Однако у нас, как кажется, нет необходимости давать подробную характеристику Коцебу как мемуаристу: ведь ситуация с разбираемым эпизодом крайне простая.

Ничего мистического

Коцебу пишет следующее: "Известно, с каким пристрастием Павел смотрел на Михайловский замок, воздвигнутый им как бы по волшебному мановению. Очевидно, пристрастие это происходило не от того, что какое-то привидение указало построить этот дворец,—об этой сказке он, может быть, и не знал, а если знал, то допустил ее для того только, чтобы в глазах народа оправдать затраченные на эту постройку деньги и человеческие силы. Его предпочтение к ней главным образом происходило от чистого источника, из кроткого человеческого чувства, которое за несколько дней до своей смерти он почти пророчески выразил г-же Протасовой в следующих словах: «На этом месте я родился, здесь хочу и умереть» [41](#).

Коцебу, как правило, тщательно оговаривает те случаи, когда какие-либо слова Павла он слышал лично. В данном отрывке такой оговорки нет, что позволяет предположить, что эта фраза была Коцебу известна в пересказе, причем его информатор нам неизвестен. Это, конечно, несколько снижает достоверность истории. Однако никаких особых причин ставить под сомнение правдивость Коцебу в данном случае нет. Сам Коцебу не придает этому случаю никакого мистического значения. Наоборот, он с недоверием относится к легенде о явлении архангела Михаила, а фразу Павла объясняет вполне естественной привязанностью императора к своему любимому дому. Желание человека, построившего дом, прожить в нем всю жизнь и умереть, выглядит более чем естественно, и если бы земной путь Павла окончился мирно, мы и не вспоминали бы об этой фразе, брошенной мимолетом.

Таким образом, легенду эту можно признать вполне достоверной. Однако ничего мистического в ней нет, и свой статус "пророчества" фраза Павла приобретает только в контексте других преданий, связанных с Михайловским замком и его хозяином.

«Неужели меня задушат?»

Обморок императора посреди бала – исключительно продукт фантазии нынешних копипастеров. У этой легенды есть совершенно определенный источник, а именно «Записки» Николая Александровича Саблукова, сделавшего быструю карьеру при Павле, а затем отличившегося во время войны 1812 года. Вот что он пишет: «Император ... уже не выезжал, как он это делал прежде, и даже его верховыя прогулки ограничивались так называемым третьим летним садом, куда, кроме самого императора, императрицы и ближайших лиц свиты, никто не допускался. Аллеи этого парка или сада постоянно очищались от снега для зимних прогулок верхом. Во время одной из этих прогулок, около четырех или пяти дней до смерти императора (в это время стояла оттепель), Павел вдруг остановил свою лошадь и, обернувшись к шталмейстеру Муханову, ехавшему рядом с императрицей, сказал сильно взволнованным голосом: «Мне показалось, что я задыхаюсь и у меня не хватает воздуха, чтобы дышать. Я чувствовал, что умираю... Разве они хотят задушить меня?» Муханов отвечал: «Государь, это, вероятно, действие оттепели». Император ничего не ответил, покачал головой и лицо его сделалось очень задумчивым. Он не проронил ни единого слова до самого возвращения в замок.

Какое странное предостережение! Какое загадочное предчувствие! Рассказ этот мне сообщил Муханов в тот же вечер, причем прибавил, что он обедал при дворе и что Император был более задумчив, чем обыкновенно, и говорил мало" [42](#).

Саблуков создавал свои Записки между 1813 и 1848 г., предназначая их исключительно для круга семьи. Они попали в печать (причём, английскую) через два десятка лет после смерти Саблукова. Все издатели подчёркивают высокую достоверность записок. Действительно, читая их, понимаешь, что автор – сухой повествователь, напрочь лишенный воображения и не делающий ни единой попытки оживить свой рассказ или приукрасить описываемые события.

Информатором Саблукова выступает Муханов. Александр Ильич Муханов-представитель старинного рода, ближайший приближённый Марии Фёдоровны, сделавший, как и Саблуков, блестящую карьеру при Павле I. Саблуков и Муханов - близкие друзья, люди преданные императору и пострадавшие после его гибели. Сложно предположить, что они занимались пересказом друг другу недостоверных анекдотов о своём покровителе. Так что рассказ Саблукова можно считать весьма достоверным.

Сон про узкий кафтан

Происхождение этой легенды весьма загадочно. Разумеется, большинство современных авторов, пересказывая ее, не приводят вообще никаких ссылок; но есть ощущение, что все они опираются на хрестоматийный труд фольклориста М.И. Пыляева «Старый Петербург» [43](#). Труд Пыляева представляет собой сборник занимательных рассказов из истории города и городского фольклора, приведённых без какого-либо анализа достоверности, а зачастую и указания источников данных. Однако, «засучив рукава» и порывшись в старых журналах, мы смогли обнаружить в

одной из статей Русской старины» следующее: "Армфельт передает слова Павла о сне, который ему привиделся накануне дня его смерти: ему снилось, что ему на спину натягивали узкий парчевой кафтан и с таким усилием, что он готов был вспрыгнуть от боли".

Армфельт, о котором идет речь, это ни кто иной, как граф Густав Мориц Армфельт, приближенный шведского короля Густава III. С 1810 года он находился на русской службе в связи с присоединением к России Финляндии, где располагались его поместья, был членом финляндского Сената.

В интересующий нас период (1801 г.) Армфельт был послом Швеции в Австрии, т.е. во время убийства императора Павла в Петербурге он отсутствовал и о событиях мог знать только опосредованно. Но это далеко не самое странное. Дело в том, что мемуары Армфельда – это огромная рукопись; напечатана она лишь фрагментами, большая же его часть разбросана по нескольким архивам в Швеции. Восстановить контекст повествования на сегодняшний день крайне сложно, и по поводу отрывка о кафтане нельзя сказать ничего определенного. Впрочем, нет ничего невероятного в том, что Армфельд, передавая какие-то слухи или чей-то рассказ, описал сон Павла в своих мемуарах; надежность же информатора Армфельда мы оценить не можем.

Кривое зеркало

У историков принято считать, что если о каком-то событии сообщают два независимых друг от друга источника, то правдоподобность такого сообщения крайне высока. Легенда о кривом зеркале – как раз такой случай.

Во-первых, в мемуарах А.Ф.Ланжерона содержится рассказ о событиях последнего дня государя: "Говорили также, что в самый день смерти Павел, взглянув на себя в зеркало, сказал: «Мне кажется, как будто у меня сегодня лицо кривое!» Этот факт верен, и вот как Кутузов мне рассказывал о нем: «Мы ужинали вместе с императором; нас было 20 человек за столом; он был очень весел и много шутил с моей старшей дочерью, которая в качестве фрейлины присутствовала за ужином и сидела против императора. После ужина он говорил со мною, и пока я отвечал ему несколько слов, он взглянул на себя в зеркало, имевшее недостаток и делавшее лица кривыми. Он посмеялся над этим и сказал мне: «Посмотрите, какое смешное зеркало; я вижу себя в нем с шеей на сторону». Это было за полтора часа до его кончины». (Кутузов не был посвящен в заговор)" [44](#).

Александр Фёдорович Ланжерон - французский эмигрант, участвовавший во всех наполеоновских войнах, получивший от Павла I звание генерал-лейтенанта русской армии, впоследствии - градоначальник Одессы. Граф Ланжерон оставил несколько томов мемуаров, которые полностью до сих пор не опубликованы. При этом Ланжерон запретил публиковать записки в течение нескольких десятилетий после его смерти. Часть, касающаяся событий 11 марта 1801 г. легла в основу всех реконструкций гибели Павла - именно там содержатся "интервью" с руководителями заговора, в том числе с графом Паленом. По мнению большинства исследователей

(включая, например, Н. Эйдельмана), Ланжерон достоверно передаёт все данные информаторов, подчас подвергая их критическому анализу.

Следует заметить, что в ночь убийства самого Ланжерона в Петербурге не было. Однако подвергать сомнению достоверность его сообщения о рассказе Кутузова у нас нет оснований. Кстати, Кутузов, о котором здесь идет речь, - тот самый Михаил Илларионович, победитель Наполеона.

Ура! Параллельный источник!

Есть и второй источник, сообщающий о странном поведении императора в день перед убийством. Это воспоминания известного декабриста Михаила Ивановича Муравьева-Апостола: "11 марта Павел I весь день подходил к дворцовым зеркалам и находил, что лицо его отражается в них с искривленным ртом. Придворные из этого повторяемого замечания заключали, что заведующий дворцами князь Юсупов впал в немилость. Этого же числа, вечером, Павел долго беседовал с М. И. Кутузовым. Наконец, между ними разговор зашел о смерти. «На тот свет идтить — не котомки шить», — были прощальными словами Павла I Кутузову" [45](#).

Издатель текста воспоминаний С.Я. Штрайх так комментирует этот фрагмент:

"Рукопись этого рассказа, хранится в собрании М. М. Зензинова, с разрешения которого рассказ напечатан в моск. газете «Утро России» от 21 декабря 1911 года. Там же переданы обстоятельства, при которых появился рассказ об убийстве Павла I, слышанный автором от проживавшего одновременно с ним (по возвращении М. И. из Сибири) в Твери К. М. Полторацкого, который в чине прапорщика был в карауле в Михайловском дворце в эту роковую ночь. Полторацкий обещал описать убийство Павла, но умер, не успев сделать это. Тогда сам М. И. Муравьев-Апостол продиктовал рассказ своей воспитаннице А. П. Сазонович, дополнив его многими подробностями, слышанными в Москве еще в 1820 г. от одного из участников убийства, полкового адъютанта Преображенского полка и плац-майора Михайловского замка Аргамакова" [46](#).

В год гибели Павла I создателю мемуаров, Матвею Ивановичу Муравьеву-Апостолу было семь лет. Свои воспоминания он диктовал в 1860-х годах.

Безусловно, запутанные обстоятельства, при которых появился рассказ Муравьева-Апостола, несколько снижают доверие к нему; но вот наличие параллельного источника – сообщения Кутузова в передаче Ланжерона – полностью это доверие восстанавливает, и мы смело можем констатировать: скорее всего, слова про кривое зеркало действительно Павлом были произнесены. Другой вопрос: был ли в этом мистический подтекст? Эта фраза могла быть таким же случайно брошенным замечанием, как и пожелание императора умереть там, где он родился, которое лишь со временем и лишь в контексте дальнейших событий приобрела значение пророчества. То же самое касается, кстати, и фразы: «На смерть идтить – не котомки шить». Да и зеркало, в конце концов, действительно могло быть кривым – и такое случается.

«Я хороню своего отца»

Есть еще одно удивительное свидетельство, которое почему-то обходят упоминанием нынешние копипастеры. А между тем оно действительно может поставить в тупик любого скептика.

Автор свидетельства – сын Павла I, император Николай I, который, будучи уже вполне зрелым человеком, составил записки о своем детстве. Вот что он пишет: «Однажды вечером был концерт в большой столовой; мы находились у матушки; мой отец уже ушел, и мы смотрели в замочную скважину, потом поднялись к себе и принялись за обычные игры. Михаил, которому было тогда три года, играл в углу один в стороне от нас; англичанки, удивленные тем, что он не принимает участие в наших играх, обратили на это внимание и задали ему вопрос: что он делает? Он, не колеблясь, отвечал: "Я хороню своего отца"! Как ни малозначащи должны были казаться такие слова в устах ребенка, они тем не менее испугали няnek. Ему, само собою разумеется, запретили эту игру, но он тем не менее продолжал ее, заменяя слово отец - Семеновским гренадером. На следующее утро моего отца не стало. То, что я здесь говорю, есть действительный факт» [47](#)

Как заметил один современный исследователь, это свидетельство не поддается комментарию [48](#). Действительно, как объяснить его, оставаясь на позициях скептика-материалиста?

И что в итоге?

А в итоге создается странное впечатление. Есть несколько историй, каждая из которых, как кажется, доказывает, что Павел действительно предчувствовал свою смерть. Каждую из них, взятую отдельно, можно поставить под сомнение; но все вместе они обретают новое качество. Показания свидетелей, накапливаясь, достигают своеобразной «критической массы», и от настойчивости, с которой источники убеждают нас: «Предвидение было!», уже трудно отмахнуться.

Однако научный принцип, известный как «брита Оккама», предлагает нам всегда искать более простое объяснение ряду феноменов. Можно ли предложить версию, объясняющую все странности в поведении Павла, оставаясь при этом обеими ногами на твердой земле? Мы хотим попытаться...

Версия

Считается, что Павел знал о готовящемся заговоре, причем не от кого-нибудь, а от самого Палена. В целом, суть интриги последнего описывают так: сначала Пален убеждает Александра Павловича присоединиться к заговору, угрожая ему расправой со стороны отца; затем Пален доносит Павлу о существовании заговора, все нити которого, однако, находятся в руках Палена. Действительно, потрясающий пример двойной игры.

Свидетельств об этой хитрой политике Палена множество. Вот некоторые из них:

Из воспоминаний М. А. Фонвизина: "Однажды Пален решился высказать великому князю все и своей неумолимой логикой доказал ему необходимость для блага России и для безопасности императорского семейства отстранить от престола безумного императора и заставить его самого подписать торжественное отречение. Чтобы еще более убедить великого князя, Пален представил ему несомненные доказательства, что отец его подозревает и супругу свою и обоих сыновей в замыслах против его особы, и даже показал ему именное повеление Павла, в случае угрожающей ему опасности, заключить императрицу и обоих великих князей в Петропавловскую крепость. Все это поколебало наконец сыновнее чувство и совесть великого князя, и он, обливаясь слезами, дал Палену согласие. [...]» После этого, явившись к Павлу, Пален сообщает ему о существовании заговора и о том, что сам он – в числе заговорщиков: «Как, и ты в заговоре против меня?!»— «Да, чтобы следить за всем и, зная все, иметь возможность предупредить замыслы ваших врагов и охранять вас».

Такое присутствие духа и спокойный вид Палена совершенно успокоили Павла, и он более, нежели когда-либо, вверился врагу своему. Это происходило за неделю или за две до рокового дня и ускорило катастрофу" [49](#).

Очень похожая история содержится в воспоминаниях самого Палена, записанных Ланжероном. Пален абсолютно цинично и, похоже, с удовольствием говорит об искусстве, с которым он вел свою интригу [50](#).

Из воспоминаний В.Н. Головиной "Заговорщики собирались у князя Зубова; но, несмотря на всю таинственность, которой они облекли это дело, Император узнал, что злоумышляют против него. Он призвал Палена и спросил, почему он не доложил ему об этом. Тот дерзко поклялся, что не было ничего серьезного, что несколько молодых безумцев позволили себе вольные речи и что он образумил их, подвергнув аресту у генерал-прокурора. Он прибавил, что Его Величество может положиться на его верность, что он предупредит Императора о малейшей опасности и разрушит зло в самом его корне.

Через три дня он решил нанести решительный удар. Он пришел к двери кабинета Императора и попросил позволения говорить с ним. Он вошел в кабинет с видом, полным отчаяния, и, упав на колени, сказал:

— Я прихожу с повинной головой, Ваше Величество; Вы были правы: я только что раскрыл заговор, направленный против Вас. Я приказал арестовать виновных*; они находятся у генерал-прокурора. Но как открыть мне Вам величайшее несчастье? Ваше чувствительное сердце отца вынесет ли удар, который я принужден нанести ему? Ваши оба сына стоят во главе этого преступного заговора; у меня все доказательства в руках.

Император был смертельно поражен, его сердце разрывалось: он поверил всему. Его несчастный характер не дал ему подумать. У него были все проявления отчаяния и бешенства. Пален старался тогда успокоить его, уверял, что очень легко разрушить заговор, что он принял все необходимые меры и, чтобы устроить виновных, достаточно его Величеству подписать бумагу, которую он принес с собой.

Несчастный Император согласился на все. Смерть была уже в его сердце. Он любил своих детей. Обвинение их было для него более тяжелым, чем муки, которые ему готовили заговорщики.

Злодей Пален торжествовал. Он пошел к Великому Князю Александру и показал ему бумагу, подписанную Императором, в которой был приказ об аресте Великих Князей Александра и Константина и заключении их в крепость. Великий Князь задрожал, возмутился и опустил голову; было решено, что акт отречения будет предложен» [51](#).

Есть и другие подобные свидетельства. На их исчерпывающий разбор мы не претендуем, да это и не нужно. Ведь очевидно, что мы не можем не доверять такому количеству независимых источников.

До предела натянутые нервы

Итак, Павел знает о заговоре, точнее, думает, что знает. Заговорщики знают, что он знает; он же не знает, что знают они. Павел думает, что может вести с ними хитрую игру, тогда как на самом деле играют с ним. При этом не исключено, что Александр знает, что Павел знает; сын, возможно, тоже считает себя игроком, причем его партия сложнее, ведь Павел выступает против незнающих заговорщиков, а Александр - против полужнающего императора. В реальности же, главный кукловод - Пален; он дергает за ниточки обоих игроков.

Как должен был вести себя Павел в такой ситуации? Известие о заговоре, тем более с участием сына, не могло оставить его равнодушным. Тем более, Павел, возможно, давно уже ожидал чего-то подобного, ведь неповиновение и крамола чудились ему повсюду. И вот его самые страшные опасения подтвердились. Естественно, император взволнован, нервы его на пределе. В таком состоянии люди часто слышат и чувствуют странные вещи.

Не здесь ли кроется объяснение предчувствий Павла? Например, сна об узком кафтане? Или эпизода в Летнем саду, о котором рассказывает Саблуков? Для человека в положении Павла вполне естественно видеть подобные сны, да и в снах наяву нет ничего невероятного. Элементарная психология позволяет объяснить изрядную долю легенд "павловского цикла", не прибегая к помощи мистики.

Фаталист

Однако не будем останавливаться на достигнутом. Пофантазируем еще...

Получать известие о скорой своей смерти Павлу было не в новинку. Мы помним об эпизоде, записанном баронессой Оберкирх. Из речей призрака, принявшего облик Петра I, Павел сделал один главный вывод: он умрет молодым. Так что у императора уже был большой опыт жизни под бременем знания. Как же Павел управлялся с этой ношей?

Призрак обещал Павлу две встречи: "на этом же месте, а затем еще раз". Очевидно, что вторая, последняя встреча должна была стать предвестницей ранней (и насильственной) смерти. Первая половина обещания исполнилась

после установки на Сенатской площади Медного всадника; Оберкирх пишет, что при получении из Петербурга известия о возведении памятника Павел бледнеет, руки его дрожат; он искренне верит в особый смысл происходящего. Когда же Павел становится императором и приступает к постройке Михайловского замка, он приказывает установить перед новой резиденцией памятник Петру работы Карло Расстрелли. Ясно, какое значение имеет этот жест: последняя встреча, которая должна завершить жизненный путь Павла и которую он по собственной воле приблизил, сделав шаг судьбе навстречу.

Что стоит за этим поступком? Фатализм? Если да, то какой: покорный фатализм христианина,веряющего себя Промыслу, или отчаянный фатализм обреченного? Или это, наоборот, вызов судьбе, выход к барьеру, намерение побороться? Кем здесь предстает Павел: Дон-Жуаном, протягивающем руку Каменному гостю, или Гамлетом, который "не боится предвестий", для которого "готовность - это все"?

Сложно ответить на эти вопросы. Ясно одно: Павел верит в судьбу, с которой у него давно сложились особые отношения, и со смертью своей вступает в диалог.

Это прекрасно чувствует Варвара Головина. В уже упоминавшихся мемуарах она сообщает следующее: "В вечер перед этой ужасной ночью Великий Князь ужинал у своего отца. Он сидел за столом рядом с ним. Можно себе представить их невозможное положение. Император думал, что его сын покушается на его жизнь; Великий Князь считал себя приговоренным к заключению своим отцом. Мне передавали, что во время этого зловещего ужина Великий Князь чихнул. Император повернулся к нему и с печальным и строгим видом сказал:

— Я желаю, Ваше Высочество (Monseigneur), чтобы желания Ваши исполнились".

К кому Павел обращается здесь, однозначно сказать нельзя. Возможно, его фраза адресована собственным мыслям или, скорее, самой Судьбе, которая как бы незримо присутствует за столом. Возможно, что адресат ее - только Александр, которого Павел дразнит, хотя, наверное, ранит этим прежде всего самого себя. Скорее же всего, Павел обращается к ним обоим. В любом случае, то, что делает Павел - это некое представление, спектакль. Это и диалог с Судьбой, конкретным воплощением которой выступает сын-заговорщик, и спектакль одного актера, обращенный к Александру (который, на самом деле, - актер в еще большей степени). Во всем поведении Павла присутствует странная двойственность: с одной стороны, он явно считает себя хитрецом, ловко обводящим всех вокруг пальца, таким психологом в стиле героев Достоевского, который терзает полунамеками, играет с уже разоблаченной и обреченной жертвой. С другой стороны, для Павла все серьезно: его лицо "печально и строго", все происходящее явно исполнено в его глазах особого смысла.

Театр одного актера

То, что делает Павел, внутренне противоречиво: он пытается терзать других, но в итоге мучает себя; он пытается хитрить, но, в итоге,

оказывается искренним; он серьезен, и в то же время полон иронии. Это почти юродство.

Но может ли быть так, что именно "юродство" - ключевое слово для понимания Павла? Может ли быть так, что не только для сына, но и для всех заговорщиков Павел разыгрывает представление? И может ли быть так, что представление это и исполнено практического смысла (в той степени, в какой Павел верит в свою способность быть "кукловодом" и вести против заговора встречную игру), и одновременно является мистерией, действием, адресованным высшим силам (в той степени, в какой Павел верит в их участие во всем происходящим)? Иными словами, может ли быть так, что поведение Павла - это и притворство (когда он играет для других), и искренность (когда он становится зрителем собственной игры)? Может ли Павел одновременно имитировать предчувствия и верить в реальность этих же предчувствий?

На наш взгляд, может. В этом - вся сущность этого противоречивого человека, с детства привыкшего хитрить и носить маски (при дворе Екатерины иначе было нельзя). Павел, доживший до сорока лет в ожидании власти и все-таки дождавшийся, прошедший суровую школу придворной жизни, наверняка считал себя мастером интриги. С другой стороны, его склонность к мистицизму общеизвестна.

Все это может служить объяснением многочисленных эпизодов, обсуждавшихся выше. И "Неужели они хотят меня задушить?", и "кривое зеркало", и "на смерть идтить - не котомки шить" - все это лишь один большой спектакль, разыгрываемый Павлом. Спектакль, цельность и продуманность которого происходят оттого, что главный актер больше, чем публика, верит собственной игре.

Но все это, конечно, лишь недоказуемая гипотеза, и мы предлагаем ее воспринимать только как упражнение в остроумии.

Пророчества монаха Авеля

Как обычно рассказывают:

Незадолго до смерти Екатерины II монах АVELЬ написал книгу, в которой с точностью предсказывался день и час ее кончины (иногда добавляют, что предсказание содержало и пикантную подробность: удар настиг Екатерину в отхожем месте). Книга попала в руки монастырскому начальству. За подобную «крамолу» АVELЬ был взят под арест. Однако когда его предсказание исполнилось и на престол взошел Павел I, Авеля по приказанию нового императора освободили. Павел, убежденный в провидческом даре монаха, якобы пытался выяснить у него обстоятельства своего будущего царствования, АVELЬ же простодушно заявил, что царствование это будет недолгим, и что Павел погибнет от руки своих подданных. За подобный «прогноз» он был тут же препровожден обратно в тюрьму, где и сидел до 1801г. После смерти Павла ситуация развивалась по уже известному сценарию: АVELЬ призывается к Александру I, «с порога» предсказывает ему сожжение Москвы французами и отправляется обратно в тюрьму, где находится до 1813г., когда его по приказанию удостоверившегося в его способностях императора выпускают. Дальше следы его теряются.

Но это еще не все...

Есть и еще одно «ответвление» этой легенды. Рассказывают, что при встрече с Павлом АVELЬ предсказал императору судьбу всех его потомков вплоть до Николая II, а также и грядущую революцию, когда будет «...жид скорпионом бичевать Землю Русскую». Павел приказывает записать это предсказание, положить его в ларец, а ларец хранить в Гатчинском дворце; открыть же ларец, согласно его приказу, должны ровно через сто лет после его смерти. В 1901г. Николай II открывает ларец, узнает свою судьбу, после чего в его характере начинают проявляться черты фатализма. [52](#)

На самом деле:

Легенда о вещем монахе Авеле отличается от прочих петербургских легенд тем, что она не «локализована», у нее нет привязки к какому-то конкретному месту в городе. Тем не менее, обойти ее вниманием нельзя. Во-первых, она связана с такими «петербургскими» фигурами, как Павел I и Николай II; а во-вторых, именно эта легенда порождает самые недобросовестные переложения и самые вольные интерпретации на просторах интернета, пройти мимо которых невозможно.

Был или не был?

Скажем сразу, что АVELЬ – фигура абсолютно реальная. Сведений о нем довольно много. Во-первых, сохранились протоколы допроса Авеля (правда, дошли они до нас только в виде публикации в журнале «Русский

архив» [53](#)). Во-вторых, об Авеле упоминают многие мемуаристы, в их числе – Алексей Петрович Ермолов, будущий герой войны на Кавказе. Наконец, существует и автобиография Авеля (правда, с ней есть проблема – в конце описывается смерть автора...). Показания нескольких не связанных между собой источников абсолютно убедительны, и такое, например, авторитетное издание, как «Словарь Брокгауза и Евфрона», безусловно считает Авеля реальным человеком.

Но историчность Авеля сама по себе не очень интересна. Куда любопытнее другое: делал ли он предсказания? А если делал, сбывались ли они?

Предсказание Екатерине II

Один источник дает абсолютно однозначный ответ на этот вопрос; источник этот – автобиография Авеля (а точнее, «Житие», как он сам его называет), опубликованная в журнале «Русская старина». [54](#) По утверждению автобиографии, предсказывал Авель много и всегда точно. Однако автобиография – источник не самый объективный, а в случае с Авелем, еще и загадочный. Во-первых, издатель настаивает на том, что это именно автобиография, написанная лично Авелем, хотя и в третьем лице. Однако такое утверждение выглядит как минимум странным, учитывая, что в конце этой "автобиографии" описывается смерть Авеля. С другой стороны, это описание довольно путанное, "мистическое", так что вполне возможно, имеется в виду не физическая смерть, а нечто другое. К тому же, как справедливо заметил один исследователь, Авель, считая себя предсказателем (или действительно, будучи таковым) вполне мог описать свою кончину сам. В любом случае, издатель ничего не говорит о происхождении публикуемых документов, так что оценить их достоверность сложно. Отметим, что в пользу принадлежности "автобиографии" перу Авеля может свидетельствовать одно обстоятельство, а именно: в статье в Русском Архиве за 1878г. опубликованы несколько писем, по утверждению издателя, также написанных Авелем. При чтении сразу бросается в глаза частое (и зачастую неуместное) употребление слов "и прочее", например: " ... тогда я вам всю историю скажу, что мне случилось в Высотском монастыре, и прочая таковая и прочая...", " ... а я здесь намерен за болезнь прожить от июня один год и прочая". Такие же обороты постоянно встречаются в жизнеописании Авеля.

Итак, автобиографичность "Жития" остается под сомнением, хотя и не исключается. В этом документе сказано, что Авелем была написана книга, а в ней " ... написано: якобы государыня Вторая Екатерина, лишится скоро сей жизни. И смерть ей приключится скоропостижная, и прочая таковая написано в той книге" [55](#). По этому поводу заметим вот что: предсказание становится предсказанием, только когда оно сбывается. При этом предсказания чьей-либо смерти, как и прогноз погоды, сбывается всегда, только даты не всегда совпадают. Поэтому нам не видится ничего невероятного в том, что монах Авель писал или говорил о скорой смерти императрицы, тем более, что "скорый" - понятие расплывчатое, а Екатерина в то время уже немолода, ей 67 лет. Нас гораздо больше интересует то, насколько точными были эти предсказания. Но поскольку загадочная книга,

написанная Авелем, не сохранилась, то и удостовериться в его способностях пророчествовать не представляется возможным.

Бесстрастные протоколы

Обратимся к другому источнику, а именно, к протоколу допроса Авеля в Тайной Экспедиции в 1796 г [56](#). Как это ни удивительно, в нем ни слова не сказано о том, что в книгах, написанных Авелем, содержались предсказания смерти императрицы. Есть, правда, косвенный намек на них. АVELЬ утверждает, что слышанные им голоса приказывали ему сказать Екатерине, что царствовать она будет сорок лет, то есть, по мнению голосов, императрица должна была скончаться в 1801. Это показание, на наш взгляд, удачно дополняет предыдущий источник. Действительно, если АVELЬ считал, что Екатерина умрет в 1801, то в 1796 он вполне мог предсказывать ее "скорую" кончину. Однако вовсе не это занимает следователя; допрашивающий в основном интересуется утверждением Авеля о том, что наследник престола "восстанет" на свою мать, а также о том, что Петр III был женой низвергнут с престола. АVELЬ же поясняет, что обо всем этом он слышал от каких-то мужиков, а также от солдат, которых он поил в кабаке. Все это выглядит вполне правдоподобным. Слухи о свержении Петра III, равно как и о взаимоотношениях Екатерины с Павлом, вполне могли ходить в народе, тем более в среде старых, еще при Елизавете служивших, солдат. При этом, естественно, именно сведения о "злоумышлениях" Павла против матери должны были в первую очередь заинтересовать следователей: ведь допрос проводился 5 марта 1796, когда Екатерина была еще жива.

Итак, автобиография Авеля красноречива, но не вызывает доверия; официальные документы – надежны, но, увы, рисуют Авеля лишь как политиканствующего болтуна.

АVELЬ глазами современников: Ермолов

Автор статьи про Авеля в "Русской старине" утверждает, что упоминания о нем содержатся в записках Ермолова [57](#). Но это не совсем так. Упоминания о монахе-предсказателе есть в записках, составленных неизвестным нам родственником Ермолова, который зафиксировал истории, рассказанные самим Ермоловым в разное время [58](#). При этом записаны исключительно остроумные высказывания известных людей, смешные или необычные случаи, иными словами, "байки". Это, конечно, не значит, что мы должны сомневаться в достоверности каждого отдельного рассказа. Но это означает, как минимум, что либо сам Ермолов, либо человек, записывающий за Ермоловым, старался подобрать материал определенным образом, сделать его ярким и захватывающим для читателя; а это, в свою очередь, могло вести к преувеличениям и искажениям, желанию добавить красочные детали и т.п. Конкретно про Авеля Ермолов сообщает следующее: "В это время, проживал в Костроме некто АVELЬ, который был одарен способностью верно предсказывать будущее. Находясь однажды за столом у губернатора Лумпа, АVELЬ предсказал день и час кончины императрицы Екатерины с необычайной верностью." [59](#) "В это время", т.е. в

конце царствования Екатерины II, Ермолова в Костроме не было. Он находился здесь позже, уже при Павле, следовательно, сам Авеля не видел, за обедом не присутствовал и узнал эту историю от кого-то. Значит, история могла подвергнуться искажению на любом из нескольких этапов.

Губернатор Лумп, рассказывая ее Ермолову (предположим, что именно губернатор был первоисточником) мог преувеличить точность предсказания, чтобы произвести впечатление на собеседника; сам Ермолов мог впоследствии сделать то же самое по тем же причинам; приукрасить эту историю мог и записывающий за ним.

Кроме того, у Ермолова была дополнительная причина приукрасить рассказ о предсказании Авеля. Дело в том, что дальше в записках Ермолова говорится следующее: "Простившись с жителями Костромы, он объявил им о намерении своем поговорить с государем Павлом Петровичем, но был, по приказанию его величества, посажен в крепость, из которой однако скоро выпущен. Возвратившись в Кострому, Авель тоже предсказал день и час кончины императора Павла. Добросовестный и благородный Исправник, Подполковник Устин Семенович Ярлыков, бывший Адъютантом у Генерала Воина Васильевича Нащокина, поспешил известить о том Ермолова. Все предсказанное Авелем буквально сбылось" [60](#). То есть вырисовывается следующая ситуация: Авель делает предсказание о кончине Павла (разбор сведений об этом предсказании впереди). Разумеется, находящийся в это время в опале Ермолов (да и не он один) связывает со смертью этого императора самые радужные надежды. Понимая этого, друг Ермолова, некий Ярлыков, извещает ссыльного о пророчестве. Ермолову, естественно, хочется верить в провидческий дар Авеля, ведь в том, чтобы это пророчество сбылось, Ермолов лично заинтересован. Ну а человек, желающий во что-то поверить, обязательно найдет для своей веры основания, истолковав имеющиеся сведения нужным образом, или просто предавшись самообману.

Разумеется, все это не более чем предположения. И все же достоверность показаний Ермолова о "необычайной верности" предсказания Авеля весьма сомнительна.

Авель глазами современников: Энгельгардт

В записках Л. Н. Энгельгардта есть сообщение об Авеле: "В Соловецком монастыре был монах Авель, предсказавший смерть императрице Екатерине и потом императору Павлу со всеми обстоятельствами краткого его царствования. За год до смерти императрицы Екатерины сей Авель, пришед к настоятелю того монастыря, требовал, чтобы донести до сведения ее, что он слышал вдохновенный глас, который должен он был ей объявить лично. По многим отлагательствам и затруднениям, наконец, донесено было ей, и приказано было его представить: тогда он ей объявил, что слышал он глас, повелевший ему объявить ей скорую кончину. Государыня приказала его заключить в Петропавловскую крепость. По кончине государыни император повелел, освобождая его, представить к нему; когда он ему предсказал, сколько продолжится его царствие, государь в ту же минуту приказал его опять заточить в крепость. Смерть, однако ж, исполнилась в назначенный срок. По вступлении на престол Александра I он был освобожден. За год до

нападения французов Авель предстал пред императором и предсказал, что французы вступят в Россию, возьмут Москву и сожгут. Государь приказал его опять посадить в крепость. По изгнании неприятелей он был выпущен. Сей Авель после того был долго в Троицко-Сергиевой Лавре и Москве; многие из моих знакомых его видели и с ним говорили: он был человек простой, без малейшего сведения и угрюмый; многие барыни, почитая его святым, ездили к нему, спрашивали о женихах их дочерей; он им отвечал, что он не провидец и что он тогда только предсказывал, когда вдохновенно было велено ему, что говорить. С 1820 года уже более никто не видал его, и неизвестно, куда он девался" [61](#).

В целом, Энгельгардт производит впечатление сухого и точного повествователя. Причин относится к его рассказу с недоверием, как кажется, нет. Другое дело, что Энгельгардт лично не встречался с Авелем и передает расхожий слух о его пророчествах. А доверять слухам не стоит.

Таким образом, мы можем утверждать, что Авель, скорее всего, действительно делал какие-то заявления о скорой смерти императрицы Екатерины. Однако точность сделанных им предсказаний сомнительна.

Предсказание Павлу I: документы

Теперь попытаемся ответить на два вопроса: имел ли Авель свидание с Павлом I и сделал ли Авель предсказание о его смерти?

О свидании Авеля с Павлом рассказывают два источника. Во-первых, об этом говорится в "Житии" Авеля. Источник этот, как уже было сказано, непонятого происхождения и с трудом поддается характеристике. Кроме того, "Житие" составлено в апологетическом духе и, следовательно, предвзято; ведь для "авторитета" Авеля как предсказателя личное свидание с императором, конечно, значимо. Так что особого доверия к рассказу в "Житии" быть не должно.

Второй источник - статья в Русском Архиве. Автор статьи о своих источниках пишет следующее: «...самое делопроизводство о нем [Авеле]сохранилось под заглавием: «Дело о крестьянине вотчины Льва Александровича Нарышкина Василии Васильеве, находившимся Костромской губернии в Бабаевском монастыре под именем иеромонаха Адама, и потом названном Авелем и о сочиненной им книге. Начато марта 17-го 1796 года 67 листов». Дело это отослано было 29-го августа 1812 года к министру юстиции Дмитриеву по предложению его, а в 1815 году возвращено в архив от министра юстиции Трощинского. Представляем извлечение из этого дела.

Про свидание Авеля с Павлом в статье написано следующее:

"2-го декабря Шлиссельбургский комендант Колюбякин получил письмо от нового генерал-прокурора князя Куракина, в котором объявлялось высочайшее повеление прислать в Петербург «арестанта Васильева», с прочих же всех, на ком есть оковы, оные снять. В тот же день Колюбякин за усердие и порядочное исправление должности пожалован в бригадиры.

13-го декабря, как отмечено в деле, сочиненная Васильевым книга взята князем А.Б. Куракиным и поднесена его величеству.

Государь беседовал с загадочным прорицателем и спрашивал у него «по секрету, что ему случится».

Сразу заметно, что если в первых двух абзацах автор явно цитирует выдержки из документов и точно указывает даты, то в третьем абзаце даты нет. Фраза же «по секрету, что ему случится» является прямой цитатой из "Жития", которым, видимо, автор пользовался. Так что, похоже, в "деле" Авеля упоминаний о его встрече с государем не было.

Но даже если мы предположим, что свидание Авеля с Павлом состоялось (хотя это и сомнительно), остается без ответа главный вопрос: сделал ли Авель подробное предсказание о царствовании и смерти Павла?

Предсказание Павлу I: слухи

Об этом предсказании повествуют два уже названных выше источника, мемуары Ермолова и Энгельгардта. Эти источники во многом схожи. Ни Ермолов, ни Энгельгардт лично не были свидетелями того, о чем писали. Ермолов, как уже было сказано, известие о предсказании Авеля получил от своего друга, некоего Ярлыкова. Что же касается Энгельгардта, он в 1796г. находился в Уфимском полку и о происходившем в столице знал лишь по рассказам других: "Говорят, что императрица сделала духовную, чтобы наследник был отчужден от престола, а по ней бы принял скипетр внук ее, Александр, и что сие хранилось у графа Безбородки. По приезде государя в С.-Петербург, он отдал ему оную лично; правда ли то, неизвестно, но многие, бывшие тогда при дворе, меня в том уверяли" [62](#). Проверить надежность информаторов ни Ермолова, ни Энгельгардта мы не можем; при этом заметим, что Ермолов производит впечатление не очень осведомленного мемуариста, ведь у него мы читаем, что при Павле I Авель возвращался в Кострому, а это противоречит показаниям других источников. Что же касается Энгельгардта, заметим, что его повествование укладывается в четкую схему: предсказание о смерти Екатерины - встреча с Екатериной - заточение - смерть Екатерины и освобождение - предсказание о смерти Павла - заточение - смерть Павла и освобождение - встреча с Александром, предсказание о сожжении Москвы - заточение - сожжение Москвы и освобождение. Схема эта очень правильная: Авель последовательно встречается с тремя монархами, делает три предсказания, каждый раз события развиваются абсолютно одинаково. Именно эта последовательность выдает искусственность рассказа Энгельгардта: впечатление такое, что он пересказывает слух, уже успевший стать популярным анекдотом и прошедший соответствующую переработку, обретший цельность и схематизм. Показания Энгельгардта противоречат более надежным свидетельствам: и в "Житии", и в извлечениях из "Делопроизводства" сказано, что Авель при Павле был посажен в тюрьму не сразу, а через несколько лет после его свидания с императором. Так что показания Энгельгардта, похоже, основываются на сплетнях, ходивших по Петербургу, и особого доверия не заслуживают.

Пока что у нас вырисовывается неутешительная картина: жил да был некий монах «без малейшего сведения», любивший поболтать в кабаке на актуальные политические темы и, возможно, слышавший голоса. За свою болтовню подвергался аресту; вполне возможно, имел встречу с Павлом I,

который мог отнестись к его болтовне серьезно; вполне возможно, делал предсказания и сам верил в то, что они внушены ему свыше. Но всерьез поверить в истинность его пророческого дара очень и очень сложно.

Казалось бы, легенда о предсказателе развеяна, скептики могут торжествовать. Однако впереди нас ждет сюрприз...

Предсказание Александру I

Слухи, пересказываемые Энгельгардтом, приписывают Авелю пророчество о сожжении Москвы. О том же говорится в «Житии»: «...и составил еще третью книгу: в ней же написано, как будет Москва взята и в который год. И дошла та книга до самого императора Александра. II приказано монаха Авеля абие заключить в Соловецкую тюрьму, и быть там ему дотоле, когда сбудутся его пророчества самую вещь» [63](#). О невысокой надежности обоих источников уже было сказано. Однако...

В статье в Русском Архиве сказано: «Но и самое делопроизводство о нем [Авеле] сохранилось под заглавием: «Дело о крестьянине вотчины Льва Александровича Нарышкина Василии Васильеве, находившимся Костромской губернии в Бабаевском монастыре под именем иеромонаха Адама, и потом названном Авелем и о сочиненной им книге. Начато марта 17-го 1796 года 67 листов». Дело это отослано было 29-го августа 1812 года к министру юстиции Дмитриеву по предложению его, а в 1815 году возвращено в архив от министра юстиции Трощинского».

Разумеется, тот факт, что министр юстиции требует к себе дело Авеля за две недели до взятия Москвы, является очень сильным, практически неотразимым аргументом в пользу того, что соответствующее предсказание Авелем действительно было сделано. С другой стороны, автор статьи неоднократно замечен в неточностях и вольном обращении со своими источниками. Но если бы удалось найти подлинники цитируемых им документов и доказать, что дело действительно было затребовано министром, нам пришлось бы признать как минимум одно предсказание Авеля, а после этого и наше отношение ко всем остальным его пророчествам тоже, разумеется, изменилось бы.

Только представьте: возможно серьезное доказательство самого настоящего предсказания! Однако, увы, пока что поиски ни к чему не привели, и надежды на успех дальнейших разысканий мало...

Гатчинский ларец

Стараниями современных копипастеров этот сюжет действительно обрел статус более-менее общеизвестной легенды. Как выяснилось, породить предание в обществе XXI века, имеющем благодаря интернету мгновенный доступ практически к любой информации, совсем несложно. Все, что нужно сделать, это пересказать сомнительную историю, но без ссылки на источник, а потом продублировать ее на сотне дешевых сайтов. И вот у людей уже создается впечатление, что история эта – нечто общеизвестное, нечто настолько само собой разумеющееся, что объяснять ее происхождение нет необходимости; мол, это и так все знают. Однако

зачастую именно то, что знают все, оказывается на поверку самым недостоверным.

Первый источник: Нилус

Итак, источников у легенды о гатчинском ларце два. Первый – книга «На берегу божьей речки» [64](#), принадлежащая перу С. А. Нилуса, религиозного писателя ультраправого толка (Нилус также известен как один из издателей «Протоколов сионских мудрецов»; любопытно, что именно в этом качестве он упоминается в романе Умберто Эко «Пражское кладбище»). Вообще сюжет о ларце пользуется большой любовью у монархистов и православных радикалов, ярким представителем коих Нилус и является. Книжка его – любопытнейшее произведение. В ней Нилус выступает против кипячения освящаемой в церквях воды, считая, что таким образом «полену дров оказано было больше доверия, чем Богу»; всерьез утверждает, что архиепископ, споткнувшийся о ковер и разбивший себе лицо, был самим Богом наказан за распоряжение отреставрировать лик старинной иконы; доказывает, «... что Наполеон, действительно, готовился сознательно и сам, и что его готовил сатана в антихристы» [65](#); и это лишь наугад выбранные места, которые даже не пришлось специально отыскивать в книге, достаточно было просто несколько раз открыть ее на случайной странице.

Однако главная цель автора книжки – привести набор происшествий, каждое из которых может быть истолковано как предвестие близкого апокалипсиса и пришествия антихриста (при этом истолкования, разумеется, производятся самим автором и, разумеется, достаточно вольно). В этом смысле история с предсказанием о конце династии идеально подходит для целей Нилуса, который ссылается на рассказ Марии Федоровны Герингер, фрейлины императрицы Александры Федоровны. Вот что он пишет: «При особе ее императорского величества государыни императрицы Александры Феодоровны состояла на должности обер-камерфрау Мария Феодоровна Герингер, урожденная Аделунг, внучка генерала Аделунг, воспитателя императора Александра II во время его детских и отроческих лет. По должности своей, как некогда при царицах были "спальные боярыни", ей была близко известна самая интимная сторона царской семейной жизни, и потому представляется чрезвычайно ценным то, что мне известно из уст этой достойной женщины.

В Гатчинском дворце, постоянном местопребывании императора Павла I, когда он был наследником, в анфиладе зал была одна небольшая зала, и в ней посредине на пьедестале стоял довольно большой узорчатый ларец с затейливыми украшениями. Ларец был заперт на ключ и опечатан. Вокруг ларца на четырех столбиках, на кольцах, был протянут толстый красный шелковый шнур, преграждавший к нему доступ зрителю. Было известно, что в этом ларце хранится нечто, что было положено вдовой Павла I императрицей Марией Феодоровной и что ею было завешано открыть ларец и вынуть в нем хранящееся только тогда, когда исполнится сто лет со дня кончины императора Павла I, и притом только тому, кто в тот год будет занимать царский престол России.

Павел Петрович скончался в ночь с одиннадцатого на двенадцатое марта 1801 года. Государю Николаю Александровичу и выпал, таким образом,

жребий вскрыть таинственный ларец и узнать, что в нем столь тщательно и таинственно охранялось от всяких, не исключая и царственных, взоров.

- В утро 12 марта 1901 года, - сказывала Мария Феодоровна Герингер, - и государь и государыня были очень оживлены и веселы, собираясь из царского Александровского дворца ехать в Гатчино вскрывать вековую тайну. К этой поездке они готовились как к праздничной интересной прогулке, обещавшей им доставить незаурядное развлечение. Поехали они веселые, но возвратились задумчивые и печальные, и о том, что обрели они в том ларце, то никому, даже мне, с которой имели привычку делиться своими впечатлениями, ничего не сказали. После этой поездки я заметила, что при случае государь стал поминать о 1918 годе как о роковом годе и для него лично, и для династии».

Правда или полуправда?

М. Ф. Герингер – личность вполне историческая; однако никаких записок она не оставила и проверить достоверность ее якобы имевшего место устного разговора с Нилусом невозможно. Заметим, что Нилус охотно использует прием смешения достоверного с недостоверным, вкладывая сомнительный рассказ в уста реального (и даже близкого к императорской семье) лица. К этому же приему он немедленно прибегает еще раз, пересказывая еще одну историю, также якобы слышанную им от Герингер. История касается известного происшествия 6 января 1905 г., когда во время церемонии водосвятия император Николай II чуть было не был убит случайным выстрелом пушки из Петропавловской крепости, по ошибке заряженной картечью вместо снаряда для фейерверка. Событие действительно имело место (см. «Правительственный вестник», 8 (21) января 1905, № 5, стр. 1.), однако подтвердить слова, якобы сказанные после этого императором («... до 18 года мне ничего не страшно») и переданные Нилусу Герингер тоже, разумеется, невозможно. Сама же по себе книга Нилуса не заслуживает доверия; надеемся, с этим все согласятся.

Однако к этому произведению охотно обращаются многие современные «историки». Вот, например, выдержка из книги Б. С. Романова "Император, который знал свою судьбу": "...В те годы при Александре Федоровне на должности обер-камерфрау состояла Мария Федоровна Герингер, внучка генерала Аделунг, воспитателя императора Александра II во время его детских и юношеских лет. По должности ей была известна самая интимная сторона царской семейной жизни. Вот что писала она о том дне...» [66](#) Далее идет приведенный выше отрывок из Нилуса. Нетрудно заметить, что Романов лукавит, выдавая рассказ тенденциозного демагога Нилуса за рассказ заслуживающего доверия очевидца.

Второй источник: Кирибеевич

Но есть у легенды о Гатчинском ларце и второй источник, который копипастеры также любят воспроизводить. Источник этот – книга Шабельского-Борка (настоящее имя - Петр Николаевич Попов) «Вещий инок». Автор книги - крайне правый монархист, член черносотенных

организаций, позже сотрудничавший с нацистами, участник покушения на лидера партии кадетов Милюкова в 1922г. (в результате этого покушения был убит Владимир Набоков, отец известного писателя),. Повесть «Вещий инок» была издана в 1930 г. в Берлине. Чтобы характеризовать стиль этого опуса, приведем небольшой отрывок: «В лучах догоравшего заката в дворцовой зале царила тишина и торжественность. Пристальный взор императора Павла Петровича встретился с кроткими глазами стоявшего перед ним монаха Авеля, о прозорливости которого уже давно шла широкая молва. К его келии в Александро-Невской Лавре шел и простолудин, и знатный вельможа, и никто не уходил от него без утешения и пророческого совета» [67](#)Как видит читатель, перед ним беллетристика самого низкого пошиба. Далее следуют поразительно точные предсказания о судьбе потомков Павла, а также о войне и революции, которую автор – ярый антисемит – называет «иглом жидовским». Полагаем, что ни о каком доверии к подобному произведению речи быть не может (характерно, что многие современные «исследователи» петербургской мистики просто перепечатывают живописные отрывки из этой книги, даже не удосуживаясь предупредить читателя, чем именно они его «потчуют»).

Призрак академии Художеств

Как обычно рассказывают:

Первый ректор Академии – архитектор Александр Филиппович Кокоринов. По преданию, однажды случилось неприятное происшествие, которое стоило ему жизни. В академию приехала сама императрица Екатерина II. Находясь в заведении, она случайно вымазала свое платье об свежеевыкрашенную стену. Естественно, она сделала выговор Кокоринову. Тот не смог этого перенести и той же ночью его нашли повешенным на стропилах под куполом Академии.

Впрочем, официальная версия гласила, что Кокоринов умер от водянки. Но история о его самоубийстве превратилась в легенду. Тем более что ночью в здании действительно можно услышать странные шумы [68](#).

На самом деле:

В отличие от большинства легенд, время появления этой истории можно определить весьма точно: конец 1870 г. Именно тогда в одном из номеров популярного журнала «Нива» появилась одна странная статья [69](#).

Поясним: журнал «Нива, или Иллюстрированный журнал литературы и современной жизни» пользовался в дореволюционной России огромным успехом. В 1904г. этот журнал получали 275 тысяч подписчиков – цифра очень внушительная для того времени. В журнале не отказывались печататься маститые авторы, Лев Толстой, например. Однако секрет успеха «Нивы», как кажется, именно в том, что этот научно-просветительский журнал удачно балансировал на грани с желтым бульварным чтивом. «Нива» претендовала на то, чтобы образовывать читателя, но учила она «всему шутя». Например, один из номеров журнала содержал следующие материалы: статья о татаро-монгольском иге, очерк о жизни современной Калифорнии, переводная глава из английской повести о вампирах, а также рассказ «мистер Трик – великий охотник на медведей». В общем, тут и умным себя можно почувствовать, тут и расслабиться не грех; каша невероятная, но увлекательно.

И вот в этом-то журнале в 1870г. появляется серия биографических статей об архитекторе Андрее Кокоринове. Общая мысль такова: был выдающийся русский зодчий, ныне незаслуженно забытый публикой (что, кстати, абсолютная правда: серьезных исследований по Кокоринову до сих пор немного). Сейчас мы эту историческую несправедливость исправим и познакомим публику с ним поближе.

Загадочная статья

В последней статье серии мы находим рассказ о смерти Кокоринова. История печальная: у архитектора, по мысли автора статьи, был какой-то конфликт с Иваном Бецким, министром просвещения и известным деятелем екатерининских времен. Бецкой начал, выражаясь современным языком,

«копать» под Кокоринова, и архитектор был обвинен в растратах. Начались проверки; Кокоринова заставляли отчитываться за каждую копеечку. Ну а тот, будучи человеком творческим и, видимо, не со стальными нервами, не выдержал подобного давления. Как написано в статье, он впал в меланхолию, то есть в депрессию. И вот как-то ночью он встает с постели, идет в академию, поднимается на чердак... Утром его тело в петле находит сторож.

Насколько все это заслуживает доверия? Сразу скажем, что «Нива» - журнал не академический и не авторитетный, что изначально снижает уровень доверия (ясно ведь, что отношение к статьям в журналах «Известия академии наук» и «Большой прикол», например, будет неодинаковым). Кроме того, автор статьи в «Ниве» неизвестен, она подписана «П.П.», что еще подозрительнее. Но сама статья при этом производит странное впечатление: с одной стороны, в ней отсутствует научный аппарат, то есть, нет ни одной ссылки на источники, как будто автор сам при всех событиях присутствовал и сам все видел. С другой стороны, читая статью, понимаешь, что П.П., кто бы он ни был, человек подготовленный: с существующими документами по Кокоринову (которых осталось не так много) он явно знаком. А значит, он не может не знать, что согласно официальной версии, никакого самоубийства не было вообще! Действительно, сохранились документы, знакомые всем биографам Кокоринова, из которых следует, что умер архитектор от вполне естественных причин, а именно, от водянки.

И правда, автор не только упоминает об этой версии, но и объясняет, как она возникла. Дело в том, пишет он, что родственники Кокоринова хотели историю с самоубийством «замять». История, действительно, неприятная; к тому же самоубийц, как известно, не хоронят по церковному обряду, а кто пожелает своему родственнику такое погребение? И вот семья Кокоринова обращается к некоему высокопоставленному иерарху (имя его не называется); тот входит в их положение и распоряжается устроить архитектору достойные похороны, а в бумагах написать, что умер он от водянки (тем более, что болезнью этой он действительно страдал, ну и Бог с ним...)

Может – да, а может – нет...

Итак, вернемся к вопросу: насколько мы можем всему этому верить? Ответ таков: скорее нет, чем да. В принципе, в рассказанной истории нет ничего невероятного. С другой стороны, автор загадочной статьи не приводит никаких доказательств, не раскрывает ни своих источников, ни собственного имени, а значит, проверить достоверность его рассказа не представляется возможным. Учитывая же характер издания, а также то, что рассказ вступает в противоречие с официальными документами, «градус доверия» становится совсем низким.

Механика мифотворчества

А вот что действительно интересно, так это то, что история о Кокоринове – прекрасный пример легенды искусственной, порожденной СМИ. Причем

порожденной дважды: сначала в 1870г. неизвестный журналист запускает ее «в оборот». Со временем она забывается; но в наше время ее воскрешает Синдаловский, известный собиратель городского фольклора. Причем Синдаловский повышает статус истории, представляя ее как «старинную петербургскую легенду», а не как газетную утку всего лишь столетней давности. Затем все экскурсоводы, прочитавшие Синдаловского, начинают рассказывать эту историю, а их слушатели, разъезжаясь из Петербурга, разносят ее по миру. В итоге легенда становится массовой. П.П. был бы доволен.

Заметим, что в последнее время часто стал встречаться вариант легенды, приведенной в начале главы: Кокоринов вызывает недовольствие Екатерины II во время осмотра академии, что и приводит к самоубийству. Источники этой версии установить не удалось, и похоже, что это на сто процентов современное мифотворчество. Хотя интересно, что сюжет «недовольство монарха – самоубийство архитектора» является бродячим, может быть, даже архитипичным. В Петербурге схожую историю рассказывают про архитектора Огюста Монферрана и Александра II; в Вене вам расскажут о самоубийстве Эдуарда ван дер Нуля, создателя здания Оперы, который слишком близко к сердцу принял критику императора Франца Иосифа.

Доппельгангер Анны Иоанновны

Как обычно рассказывают:

Императрица Анна Иоанновна удалилась во внутренние покои, было время за полночь. Двери в тронную залу, куда вошла императрица, оставались открытыми. Часовой, несший караул, собирался было присесть, чтобы вздремнуть, но на всякий случай заглянул в залу и увидел, что императрица ходит по зале взад и вперед, склонив голову, и ни на кого не обращает внимания. Офицер доложил о странном ее поведении Бирону. "Не может быть! - говорит Бирон. - Я только что из спальни, императрица изволят почивать!" Тогда часовой указал Бирону на зал, и Бирон, увидев Анну Иоанновну в зале, тут же побежал в спальню. Возвращается с императрицей, готовой разоблачить самозванку. Был вызван весь караул и дворовые люди - и все видели двух императриц, совершенно неотличных друг от друга...Преодолев удивление, императрица обратилась к двойнику: "Кто ты? Зачем ты пришла?" Не отвечая, привидение пятится, не сводя глаз с императрицы, и начинает медленно таять в воздухе. Императрица обращается к Бирону и произносит: "То была моя смерть", - падает в обморок и вскоре умирает. [70](#)

На самом деле:

Установить источник приведённого рассказа о предсмертном призраке-двойнике несложно. Он содержится в хрестоматийном труде фольклориста М.И. Пыляева «Старый Петербург» [71](#). Можно предположить, что в сборник М.И. Пыляева легенда попала из мемуаров графини А.Д. Блудовой, т.к. именно здесь находится наиболее подробный рассказ о предсмертном призраке Анны Иоанновны, сами же мемуары были легко доступны для автора.

«Верные вести оттудова...»

А.Д. Блудова была уверена: «Это один из самых достоверных рассказов о привидении». Мемуаристка была камер-фрейлиной императрицы Марии Александровны, супруги Александра II, век спустя после Анны Иоанновны. Откуда же А.Д. Блудова знала о событиях вековой давности? Это становится ясно из вступления к рассказу: "Товарищ моего деда, - пишет графиня, - был дежурный со взводом солдат в карауле вечером, за несколько дней до смерти Анны Иоанновны. Караул стоял в комнате подле тронной залы в Летнем дворце; часовой был у открытых дверей. Императрица уже удалилась во внутренние покои. Всё стихло. Было уже за полночь, и офицер удалился, чтобы вздремнуть..." и далее по тексту, приведённому выше [72](#). Пересказав легенду, А.Д. Блудова замечает: «Офицер, который был очень близок к деду, сам передавал ему все подробности не долго после этого не разгаданного случая. Через несколько дней или часов Анна Иоанновна скончалась, я тоже не запомню срока (для меня вообще числа и собственные имена всегда было трудно запомнить, между тем как обстоятельства, слова и мысли остаются живо и крепко в памяти до сих

пор)» [73](#). И так, весь рассказ основан на сообщении деда, который сам не являлся свидетелем событий. О произошедшем ему рассказал заслуживающий доверия товарищ, имени которого мы не знаем. Всё это не вызывает доверия к представленному материалу. Ещё больше сомнений появляется при знакомстве с биографией автора мемуаров. Система взглядов А.Д. Блудовой весьма резко, но справедливо охарактеризована в сатире Козьмы Пруткова «Церемониал погребения тела в Бозе усопшего поручика и кавалера Фаддея Кузьмича П.» [74](#):

«...На краю разверстой могилы
Имеют спорить нигилисты и славянофилы.
Первые утверждают, что кто умрет,
Тот весь обращается в кислород.
Вторые - что он входит в небесные угодия
И делается братчиком Кирилла-Мефодия.
И что верные вести оттудова
Получила сама графиня Блудова.»

Таким образом, сведения передаются весьма мистически настроенным автором из третьих-четвёртых рук через сотню лет после произошедших событий. Можно бы было немедленно сделать вывод о недостоверности этой легенды. Но не всё так просто. Выясняется, что есть параллельный источник.

Глава Академии Наук о призраках

Параллельный и более ранний вариант той же истории мы обнаруживаем в дневнике Марты Вильмот, компаньонки Е.Р. Дашковой в последние годы её жизни (с 1803 г.):

"Княгиня Дашкова только что рассказала мне еще один анекдот. Незадолго до смерти императрицы Анны несколько ночей подряд во дворце являлся ее призрак. Он приходил в короне, со скипетром в руке и садился на трон. Впервые его увидели офицеры из дворцовой охраны и рассказали о нем другим, и те, кто пришел на следующую ночь, тоже его увидели. В конце концов слух о привидении дошел до императрицы, и она сама пожелала на него взглянуть. В полночь она пришла в тронный зал и... увидела самое себя. Свидетели утверждали, что видели императрицу лицом к лицу с призраком. А через несколько месяцев после этого она умерла. Многие в России верят в эту историю" [75](#).

Вряд ли у Марты Вильмот были основания сообщать неверные сведения, да и материалистка-Дашкова (первая в истории человечества женщина-глава Академии Наук) передала эту историю именно как неправдоподобный анекдот. Однако ясно, что на рубеже XVIII-XIX веков история о призраке уже имела хождение.

Может быть не Анна Иоанновна?

Рассказы о предсмертных призраках, явившихся русским государыням, содержатся также в т.н. «Воспоминаниях Людовика XVIII» [76](#) (публ. 1830) и «Простой речи о мудрёных вещах» (1874 г.) М.Н. Погодина [77](#). Здесь

призраки являются вовсе не Анне Иоанновне, а Елизавете Петровне и Екатерине II соответственно. История всё больше запутывается? Напротив. Мы, безусловно, можем заключить, что перед нами дериваты истории об Анне, доказывающие предыдущий вывод о широкой распространённости рассказа с рубежа XVIII-XIX веков. Представим себе, что призрак явился Елизавете или Екатерине. Стала бы об этом рассказывать в качестве анекдота, путая имена государынь, ближайшая подруга Екатерины Великой, присутствовавшая на похоронах Елизаветы Петровны? А ведь именно таковой была Екатерина Дашкова. Следовательно, первоначальный мотив всё же связан с Анной Иоанновной, но он был настолько известен, что при необходимости его же использовали применительно к другим государыням, коих в русской истории XVIII века было немало.

Промежуточные выводы.

Итак, мы закончили текстологический анализ и пора сделать промежуточные выводы:

1. Единственным заслуживающим внимания источником, защищающим истинность истории о призраке-двойнике, являются воспоминания фрейлины А.Д. Блудовой. Однако в условиях общего мистико-религиозного умонастроения автора и того, что информацию мы получаем из третьих рук, следует отнестись к воспоминаниям с недоверием.
2. Безусловно достоверным и, вероятно, наиболее ранним источником, упоминающим о призраке, является дневник Марты Вильмот. Однако здесь история рассказана в явно анекдотическом ключе.
3. В первой половине XIX века история о призраке-двойнике хорошо известна, она становится основой для появления подобных легенд о Елизавете Петровне и Екатерине II.

Теперь давайте рассмотрим обстоятельства смерти Анны Иоанновны - есть ли там место для мистики?

Смерть Анны Иоанновны

Предположим, что случай духовидения имел место. Кто был в курсе случившегося? Временщик императрицы Э.-И. Бирон, солдаты дворцового караула, слуги и придворные, случайно оказавшиеся на месте действия. Есть ли у нас какие-либо упоминания об обстоятельствах смерти Анны со стороны этих людей?

а) ***Э.-И. Бирон.*** До нас дошёл подробный отчёт временщика Анны об обстоятельствах смерти государыни, который он составил в ссылке для царствующей государыни Елизаветы Петровны. Никаких упоминаний о мистических видениях у него нет.

б) ***Солдаты дворцового караула.*** Их собственных воспоминаний мы не имеем (не считая друга деда фрейлины Головиной). Однако об экстраординарном событии было бы осведомлено начальство. До нас дошли мемуары главнокомандующего фельдмаршала Б.Х. Миниха его старшего адъютанта К.-Г. Манштейна. Оба они по-военному кратко рассказывают о смерти Анны - никаких данных о призраке там нет.

в) **Слуги и придворные.** Их мемуаров у нас нет. Но придворные и слуги являются идеальным источником слухов. Поскольку смерть Анны Иоанновны имела важнейшее значение для международных отношений, любые имевшие широкое хождение слухи её обстоятельствах сообщались в депешах дипломатов. Однако нигде в переписке дипломатов мы не обнаруживаем данных о явлении двойников.

Если же отрешиться от мистики, все указанные источники демонстрируют одни и те же обстоятельства смерти императрицы осенью 1740 г. Государыня давно страдает от болезни почек. Мочеиспускание причиняет ужасную боль, которая провоцирует припадки истерики и обмороки [78](#). По возвращении из Петергофа в Петербург императрица постоянно жалуется на бессонницу, доктора не предрекают ничего хорошего. После одного из приступов врачи рекомендуют государыне оставаться в постели. Анна, находясь в полном сознании, пытается решить вопрос престолонаследия, принимает министров и придворных. «Императрица сохранила разум и память до последней минуты, допустила к руке всех присутствовавших, собравшихся в весьма малом числе, называла каждого по имени, потом велела себя соборовать и скончалась весьма покойно». [79](#)

А как же двойник?

Таким образом, источники легенды сомнительны, обстоятельства смерти императрицы вполне обычны, никаких оснований для того, чтобы предполагать достоверность видения предсмертного двойника у нас нет. Никаких оснований нет, кроме одного... В 2006 году в наиболее авторитетном естественнонаучном журнале «Nature» была опубликована медицинская статья, демонстрирующая довольно интересный эффект при электрической стимуляции левого височно-теменного узла [80](#). Мозг 22-летней пациентки подвергнулся стимулированию в рамках экспериментального лечения эпилепсии, однако соответствующий участок медики затронули случайно. При стимуляции левого височно-теменного узла пациентка сообщала об ощущении фигуры позади неё, фигура в точности копировала действия пациентки и воспринималась последней крайне негативно, как «зловещая». Несмотря на то, что пациентке объясняли: эффект вызван ошибочной стимуляцией, чувство страха у неё не исчезало. Учёные предположили, что это исследование может помочь определению механизмов паранойи, навязчивых страхов и шизофрении. В нашем случае, однако, мы можем предположить, что некорректная работа мозга на определённой стадии развития болезни Анны Иоанновны могла спровоцировать видения подобного характера. Хотя никаких прямых данных об этом нет, но фольклор, настойчиво связывающий эту историю с государыней, мог действительно быть основан на некоем сообщении государыни о видении зловещего двойника. Естественно, что при этом никто, кроме неё, видеть двойника не мог. Однако фольклор имеет тенденцию к преувеличению, упрощению и беллетризации – иные сюжеты просто не выживают.

Доппельгангер

Следует отметить, что встреча с двойником - характерный элемент международной мистической культуры. Существует и специальный немецкий по происхождению термин для такого двойника- доппельгангер (нем. «сопровождающий двойник»). Упоминания доппельгангера широко распространены в литературе. Доппельгангеры не раз появляются у Э.Т. Гофмана, от которого мотив мистического, часто демонического двойничества перекинулась в произведения русских классиков — А.С. Пушкина («Уединённый домик на Васильевском острове»), В.Ф. Одоевского («Сильфида»), Н.В. Гоголя («Шинель») и Ф.М. Достоевского (повесть «Двойник»). Возможно, что и этих литературных двойников можно вывести из реальных видений, связанных с некорректной работой мозга, как, возможно, и было в случае Анны Иоанновны.

Заключение

Попытавшись вместе с авторами книги разобраться в хаосе петербургских былей и небылей, внимательный читатель заметит, что все легенды, рассмотренные выше, четко разделяются на несколько категорий:

1. Легенды, которые изначально таковыми не являлись. Типичный пример – предсказание, сделанное Павлом I самому себе: «Здесь я родился, здесь хочу и умереть». Достоверность этой истории самой по себе весьма высока; но изначально никакого мистического подтекста в словах императора, видимо, не было. Лишь со временем история эта была перетолкована в мистическом смысле и обрела статус мифа.
2. Истории литературного происхождения, которые мимикрируют под легенды. Классический пример – рассказ Н.С. Лескова о призраке Михайловского замка. Заметим при этом, что Н.С. Лесков – автор добросовестный в том смысле, что манипулировать сознанием читателя, убедить его в истинности описываемого происшествия, он не пытается. Не таков автор повести «Вещий инок»: он как раз активно стремится создать иллюзию достоверности того, о чем пишет (этим же занимаются и современные недобросовестные компиляторы, активно цитирующие это произведение).
3. Истории, достоверность которых проверить, в принципе, невозможно, ибо основаны они на слухах или показаниях крайне ненадежных свидетелей. Таковы легенды о кикиморе и двойнике Анны Иоанновны. Однако ценность этих историй заключается в их возрасте: пусть они и не заслуживают большого доверия, но рассказы эти давно стали неотъемлемой частью петербургской культуры.
4. Наконец, есть ряд историй, основанных на показаниях весьма надежных свидетелей. Таковы легенды о встрече Павла I с призраком Петра I, а также многие истории о предчувствиях Павла перед смертью. Тут авторам остается лишь развести руками и признать, что они затрудняются объяснить описываемые события, не прибегая в качестве объяснения к действию сверхъестественных сил.

Таким образом, мистический туман несколько рассеялся, а в хаосе проявилась структура. Но любители сверхъестественного пусть не расстраиваются: ведь даже скептически настроенные авторы книги вынуждены признать, что нечто загадочное и необъяснимое в воздухе Санкт-Петербурга разлито, пусть и не в таких количествах, как принято полагать.

Примечания

- Толстой А.Н. Хождение по мукам. М., 1976. С. 1
- ² Семевский М.И. Слово и дело. М., 1991 С. 47
- ³ Там же. С. 47
- ⁴ Анисимов Е.В. Дыба и кнут. М., 1999 С. 69
- ⁵ Там же. С. 71
- ⁶ Там же. С. 391
- ⁷ Семевский М.И. Слово и дело. М., 1991 С. 49
- ⁸ Семевский М. И. Слово и дело. М., 1991 С. 49
- ⁹ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб, 1859. Т. 6. С. 456
- ¹⁰ Нами избран наиболее распространённый вариант легенды о призраке Михайловского замка, широко представленный в сети. Вероятно, он восходит к тексту сборника: Синдаловский Н. Призраки Северной столицы Легенды и мифы питерского Зазеркалья. М., 2010
- ¹¹ Григорович Д.В. Литературные воспоминания. М., 1987. Электронная версия.
- ¹² Гроссман Л. Достоевский. М., 1963. Электронная версия.
- ¹³ Запорожский И.С. // Волков С.В. Генералитет Российской Империи: энциклопедический словарь генералов и адмиралов от Петра I до Николая II. М., 2009.
- ¹⁴ Ср.: Лесков Н.С. Собрание сочинений в 12 тт. М., 1989. Т. 7. С. 55-56. Н.С. Лесков сообщает инициалы главных героев рассказа. Комментатор рассказа реконструирует на основе этих инициалов имя друга семьи писателя И.С. Запорожского, бывшего кадета училища. Ведущий петербургский специалист по литературному наследию Н.С. Лескова д.ф.н И.В. Столярова любезно обратила наше внимание на то, что рассказ о вечерних беседах Н.С. Лескова с Запорожским по поводу мистики Михайловского замка содержится и в воспоминаниях сына великого писателя А.Н. Лескова.
- ¹⁵ Мы благодарим нашего коллегу к.и.н. Н. Славнитского, привлёкшего наше внимание к данному рассказу.
- ¹⁶ Лесков Н.С. Собрание сочинений в 12 тт. М., 1989. Т. 7. С. 62
- ¹⁷ Там же. С. 64
- ¹⁸ Андреев Д.Л. Роза мира. М., 1991. Электронная версия
- ¹⁹ Там же
- ²⁰ Д.Л. Андреев родился в Берлине, но большую часть жизни провёл в Москве.
- ²¹ Раздел написан на основе данных интервью, которое авторам этой книги любезно дала Елена Анатольевна Руднова, руководитель группы «Петербург-Космопоиск», координатор групп «Космопоиск» по СЗФО, 18 ноября 2011 г.
- ²² В таком виде этот текст на момент написания книги можно было найти здесь: <http://petersburg-history.narod.ru/p789.htm>. Практически без изменений он присутствует на многих других страницах и порталах сети.
- ²³ Там же
- ²⁴ Болотов А.Т. Памятник претекших времян, или Краткие исторические записки о бывших происшествиях и носившихся в народе слухах // Записки очевидца: Воспоминания, дневники, письма. М., 1990. С. 255
- ²⁵ Там же. С. 255
- ²⁶ Там же. С. 256
- ²⁷ Хайкина Л.В. Михайловский замок и некоторые аспекты религиозно-философских воззрений Павла I// Отечественная история. 2000, №2. С. 164-170.
- ²⁸ Данная версия этой легенды, широко распространённая в сети, возможно, восходит к одному из сборников современного фольклориста Н.А. Синдаловского
- ²⁹ Оберкирх Г. Рассказ великого князя Павла Петровича о видении ему Петра I-го / Публ. В. Андреева // Русский архив. 1869, вып. 3. Стб. 517-526.
- ³⁰ Там же. Стб. 518
- ³¹ Memoirs of the Baroness d'Oberkirch, countess de Montbrison (3 volumes). Vol 2. L., 1852. Pp. 119-120
- ³² Ibid. Pp. 146-147
- ³³ Ibid. P. 147
- ³⁴ Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 3. Л., 1977. С. 284-300
- ³⁵ Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах. Т. 8. Л., 1957. С. 218
- ³⁶ Андрей Белый. Между двух революций. М.. 1990. Электронная версия.
- ³⁷ Там же

- ³⁸ Андреев Д.Л. Роза мира. М., 1991. Электронная версия
- ³⁹ Этот вариант и сходные версии мифа можно обнаружить в поисковых системах по запросу «Инженерный замок легенды»
- ⁴⁰ Записки Августа Коцебу. Неизданное сочинение Августа Коцебу об императоре Павле I / Пер., примеч. А.Б. Лобанова-Ростовского // Цареубийство 11 марта 1801 года. Записки участников и современников. СПб., 1908. С. 315-423.
- ⁴¹ Там же. С. 327
- ⁴² Цареубийство 11 марта 1801 года. М., 1990. С. 72
- ⁴³ Пыляев М.И. Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы. СПб, 1888. С. 71
- ⁴⁴ Цареубийство 11 марта 1801 года. М., 1990. С. 151
- ⁴⁵ Декабрист М. И. Муравьев-Апостол. Воспоминания и письма. Петроград, 1922. С. 3
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Воспоминания о младенческих годах императора Николая Павловича, записанные им собственноручно. Пер. с франц. В.В. Щеглов. СПб., 1906
- ⁴⁸ Михайловский замок/ Сост. М. Б. Асварищ и др. СПб., 2001
- ⁴⁹ Цареубийство 11 марта 1801 года. М., 1990 С. 163
- ⁵⁰ Там же. С. 134
- ⁵¹ Тайны царского двора (из воспоминаний фрейлин). М., 1997. С. 67
- ⁵² Этот вариант и сходные версии мифа можно обнаружить в поисковых системах по запросу «Инженерный замок легенды»
- ⁵³ Житие и страдание отца монаха Авеля // Русская старина, 1875. Т. 12, № 2. С. 415-427
- ⁵⁴ Там же.
- ⁵⁵ Там же. С. 415-427.
- ⁵⁶ О монахе Авеле// Русский Архив. 1878, т. I., №23. С.353-365
- ⁵⁷ Житие и страдание отца монаха Авеля // Русская старина. 1875. Т. 12. № 2. С. 415-427.
- ⁵⁸ Чтения Ими. общ. истории и древностей российских. 1863 г., кн. IV. С. 217—222
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Розанов Н.П. Предсказатель монах Амель в 1812-1826 гг. // Русская старина. 1875, т. 12, № 4. С. 815-819.
- ⁶² Энгельгардт Л.Н. Записки. М., 1997. С. 147
- ⁶³ Житие и страдание отца монаха Авеля // Русская старина. 1875, т. 12, № 2. С. 415-427.
- ⁶⁴ Нилус С.А. На берегу Божьей речки. Сергиев Посад, 1911
- ⁶⁵ Нилус С.А. На берегу Божьей речки. Сергиев Посад, 1911. С. 131, 144, 187
- ⁶⁶ Романов Б.С. Император, который знал свою судьбу. СПб, 2011. С. 37
- ⁶⁷ Шабельский-Борк П. Н. Вещий инок. Берлин, 1930. С. 15
- ⁶⁸ Этот вариант и сходные версии мифа можно обнаружить в поисковых системах по запросу «Кокоринов призрак»
- ⁶⁹ Александр Филиппович Кокоринов// Нива. 1870, №52. С. 53-59
- ⁷⁰ Наиболее широко распространённая в сети версия этой легенды цитируется нами по материалам сайта www.anashina.com, где находилась на момент создания книги
- ⁷¹ Пыляев М.И. Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы. СПб, 1888. С. 71
- ⁷² Воспоминания графини Антонины Дмитриевны Блудовой. // Русский Архив. 1889, Кн. 1. С. 100-102
- ⁷³ Там же
- ⁷⁴ Сочинения Козьмы Пруткова. М., 1981. Электронное издание
- ⁷⁵ Из дневника Марты Вильмот // Записки княгини Дашковой. Письма сестер Вильмот из России. М., 1991. С. 393
- ⁷⁶ Lamothe-Langon E. L. Private memoirs of Louis XVIII. L., 1830. P. 183
- ⁷⁷ Погодин М. П. Простая речь о мудреных вещах... М., 1874. С. 42-43. В качестве своего источника М.П. Погодин называет "старинные записки, доставленные г-м Благово". Очевидно, что с такое сообщение для нашего исследования является тупиковым.
- ⁷⁸ Э. Финч. Донесение от 7 октября 1740 г. // СБРИО. 1883, т. 85. С. 227
- ⁷⁹ Бирон Э.-И. Обстоятельства, приготовившие опалу Эрнеста-Иоанна Бирона, герцога Курляндского // Время. 1861, т. 6, № 12. С. 528-533
- ⁸⁰ Arzy S., Seeck M., Ortigue S., Spinelli L., Blanke O. Induction of an illusory shadow person// Nature. 2006, vol. 443. P. 287